

Грэм Грин
Выигрыш

Пер. с англ. – М.: "Интердайджест", 1993.

Дорогой брат!

Вот уже четверть столетия мы связаны дружбой и общими делами, поэтому, не испрашивая твоего разрешения, я посвящаю тебе это не очень серьезное, легкомысленное творение. Прочитав эту небольшую повесть, ты, конечно же, в отличие от критиков, не будешь отождествлять меня с ее героем. Мне также нет нужды объяснять тебе, что повесть не преследовала цели поощрять прелюбодеяние, ношение исключительно верхней части пижамы или регистрацию браков в мэрии. Книга также не имела цели отбить охоту играть на деньги.

С любовью и благодарностью,
Грэм ГРИН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

– Мне кажется, что эта небольшая, позеленевшая от времени статуя человека в парике верхом на лошади – одна из самых знаменитых достопримечательностей во всем мире.

Я сказал Кэри:

– Видишь, как блестит у лошади правое колено? К нему, вероятно, очень часто притрагивались, как к ступне Святого Петра в Риме.

Она нежно и старательно, будто полируя, потерла это колено.

– Разве ты веришь в приметы? – спросил я.

– Да.

– А вот я – не верю.

– Я верю во все приметы. Я никогда не прохожу под лестницей. Я бросаю соль через правое плечо. Стараюсь не наступать на щели между плитами тротуара. Милый, ты связываешь судьбу с самой суеверной женщиной на свете. Многие люди несчастливы. А мы – счастливые. И я не хочу ни на гран рисковать своим счастьем.

– Ты так старательно потерла это колено, что нас обязательно ждет удача за столом рулетки.

– Не о такой удаче я просила, – ответила она.

– О тот вечер я вспомнил, что наше счастье началось две недели назад в Лондоне. Мы должны были обвенчаться в церкви Святого Луки на Мейда-Хилл и собирались провести медовый месяц в Борнмуте. Честно говоря, мы не ожидали от свадебного путешествия особенного наслаждения, а по мне, в конце концов, все равно куда ехать, лишь бы Кэри была рядом. Конечно, мы могли позволить себе поехать в Ле-Туке, но все-таки решили остановиться на Борнмуте, потому что наши знакомые Реджи и Труффиты собирались отдыхать в Ле-Туке, а йам хотелось побыть одним.

– К тому же ты просадил бы все деньги в тамошнем казино, – сказала Кэри, – и нам пришлось бы вернуться домой очень быстро.

– Цифры – моя стихия, – запротестовал я. – Цельными днями мне приходится иметь с ними дело.

– Какая жалость, что в твоей жизни это уже не первый медовый месяц. Ты весело провел свой первый – в Париже?

– Ну, допустим, это был не месяц, а всего лишь уикэнд, – осмотрительно заметил я.

– Ты очень ее любил?

– Пойми же наконец, – устало ответил я. – С того времени прошло уже более чем пятнадцать лет. Тогда ты еще пешком под стол ходила. Не мог ведь я все это время ожидать встречи с тобой!

– Но ты же ее любил?

– В тот самый вечер, как она меня бросила, я устроил Ремеджу роскошный обед и угостил его самым лучшим шампанским, какое только мог найти. У нее была мерзкая привычка по ночам брыкаться в постели: на одной кровати с ней у меня просто не было места, чтобы как следует выспаться.

- А может быть, я тоже брыкаюсь по ночам?

- Ты - совсем другое дело. Мне даже хочется, чтобы ты брыкалась - тогда я всегда буду уверен, что ты рядом. Представь себе только, какую уйму времени мы тратим на сон. Четверть жизни!

Высказанная мною мысль заставила ее надолго задуматься. В отличие от меня, цифры никогда не были ее стихией.

- Более, - наконец заключила она, - гораздо более. Например, я люблю поспать часов десять.

- Еще хуже, - заметил я. - Добавь к этому часов восемь на работе без тебя. А еда? Эта отвратительная привычка - необходимость есть...

- Хорошо, я обязательно буду брыкаться, - заверила она.

Эта беседа происходила за ленчем как раз в тот самый день, когда начиналось наше так называемое счастье.

Обычно мы встречались в баре "Волонтер", расположенном недалеко от моей конторы. Кэри пила сидр и с завидным аппетитом поедала холодные сосиски. Я был свидетелем, как однажды она за один присест съела пять сосисок, а потом еще и яйцо всмятку.

- Если бы мы стали богатыми, - отметил я, - ты бы не тратила столько времени на приготовление еды.

- Кто знает, возможно, еда отнимала бы у нас еще больше времени. Вот смотри, эти сосиски... Хоп, и их уже нет. Разве за такое короткое время мы бы управились с икрой?

- А еще голавль, запеченный в тесте.

- И совсем небольшой зажаренный весенний цыпленок с зеленым горошком.

- А суфле "Ротшильд"?

- Ох, пожалуйста, не нужно быть богатыми, - взмолилась она. - Мы бы сразу же разлюбили друг друга, если б у нас появились большие деньги. Я стала бы такой полной...

- Для меня твоя внешность не играет никакой роли.

- Ну не скажи, - запротестовала она. - Ты сам прекрасно понимаешь - некрасивых и толстых не любят.

Разговор как-то сам по себе внезапно оборвался. Кэри была еще слишком юной, чтобы быть мудрой, но ее возраст уже позволял ей хорошо понимать, что не всякую мудрость можно высказать вслух.

Я возвратился в величественное здание своей конторы, где повсюду - стекло, стекло, стекло и блестящий мраморный пол, и современные скульптуры в альковах, похожие на статуи святых в католических соборах. Я работал помощником бухгалтера (перезревшим помощником бухгалтера), и само величие этого здания делало мое дальнейшее продвижение по служебной лестнице почти что невероятным. Чтобы подняться выше первого этажа, мне самому нужно было бы стать чем-нибудь вроде изящной статуэткой.

В небольших и не очень комфортабельных конторах в Сити одни клерки умирают, другие занимают их места на служебной лестнице; опытные джентльмены следят за младшими коллегами, помогают им, опекают их, как в романах Диккенса. Но здесь, в огромном производственном помещении, с мерным постукиванием телетайпов, стрекотанием машинок каждый сотрудник чувствует, что человека, не закончившего специального колледжа для привилегированных особ, шансов сделать карьеру нет никаких. Не успел я сесть на место, как по селектору разнеслось:

- Мистера Бертрама приглашают в десятую комнату. Мистер Бертрам - это я.

- Кто там находится в этой десятой комнате? - спросил я.

Никто не знал. Кто-то предположил:

- Это, наверное, где-то на восьмом этаже.

В голосе слышалось глубочайшее уважение, как будто речь шла о вершине Эверест - восьмой этаж вознесся в небо настолько высоко, насколько разрешали в то время предписания лондонского муниципалитета.

- Кто занимает десятый кабинет? - спросил я у лифтера.

- Неужели не знаете? - хмуро удивился он. - Вы давно здесь работаете?

- Пять лет.

Мы поднимались вверх.

- Вы просто обязаны знать, - заметил он, - кто сидит в десятом кабинете.

- А я вот не знаю.

- Проработать пять лет и не знать такого...

- Я прошу вас - скажите.

- Прибыли. Восьмой этаж, налево.

Когда я выходил из лифта, он мрачно кивнул вдогонку:

- Надо же, не знает хозяина десятого кабинета!

Потом он чуть смягчил свой тон, когда уже закрывал дверцы лифта:

- Ну кто ж еще там может быть? Конечно же Гом!

Это заставило меня замедлить шаг.

Я особенно не верю в счастье. И я отнюдь не суеверный человек. Но просто неизбежно: если тебе перевалило за сорок и служебная карьера не складывается, то ты начинаешь потихоньку верить, что рожден не под счастливой звездой. Я не имел чести быть лично знакомым с Гомом, мне только издали приходилось изредка видеть его, и для нашего личного знакомства - насколько я знаю - никаких оснований не было. Он значительно старше меня и, вероятно, умрет первым. Без особенных эмоций я, конечно же, выражу сожаление по поводу его кончины. Но то, что меня внезапно вызвали с первого этажа на восьмой, потрясло меня. Какую же ужасную ошибку я допустил? Вот тогда-то я подумал, что мы с Кэри никогда не повенчаемся в церкви Святого Луки, так же как не поедem в свадебное путешествие на две недели в Борнмут. И оказался прав.

- Тома зовут Гомом те, кто его не любит, и все остальные - кто относится к нему безразлично. Его поступки, как погоду, предсказать невозможно. Если у нас в конторе устанавливали новую машину или заменяли старые, но еще надежные в работе компьютеры на новые, то сотрудники, которым приходилось обучаться обращению с этими игрушками самых последних моделей, сокрушенно вздыхали: "С этим Гомом не соскучишься!"

На Рождество раздавали отпечатанные бумажки, адресованные лично каждому сотруднику фирмы (вероятно, все машинописное бюро усердно трудилось над ними целый день, но подпись под этими поздравлениями по случаю праздника - Герберт Друтер - была проштампована резиновой печатью лично им самим).

И меня всегда немного удивляло, что такая бумага не подписана его прозвищем - Гом. В этот знаменательный день денежных премий и подарочных сигар - премиальные суммы и количество сигар также невозможно было предугадать - его все называли с почтением полным почетным титулом - Великий Старик (Гом - по-английски Гот - аббревиатура от Ogea! Ом Мап - Великий Старик).

И действительно, в Гоми ощущалось нечто величавое - пышной гривой седых волос он напоминал знаменитого музыканта. Если другие собирали картины, чтобы избежать уплаты налогов на наследство, он коллекционировал их ради наслаждения. У Гома была привычка внезапно исчезать на месяц во время отпуска на своей яхте в компании писателей, актрис и других чудаковатых людей со странностями, вроде гипнотизера или садовода, вырастившего новый удивительный сорт роз, или, скажем, ученого, открывшего необычное лекарство, излечивающее, например, болезнь желез внутренней секреции. Мы, обитатели нижнего этажа, никогда, конечно, особенно не Скучали о нем: просто ничего бы не знали, если бы газеты регулярно не печатали отчеты о его путешествиях - дешевые еженедельники внимательно следили за яхтой Гома от порта до порта, как обычно, выискивая какой-нибудь сенсационный материал на борту судна Друтера. Но там никаких сенсационных событий не происходило. Он избегал всяческих неприятностей.

Мне было известно немногим больше, чем моим коллегам: дизельное топливо проходило вместе с вином под общей статьей на представительские расходы. Однажды это вызвало бурное возмущение сэра Уолтера Бликсона. Об этом мне рассказал мой шеф - главный бухгалтер. Бликсон являлся второй по значимости персоной в нашей фирме - его кабинет находился в 45-й комнате. Он владел таким же количеством акций, как и Друтер, но с ним не посоветовались насчет расходов на дизельное топливо. Он был невысокого роста, прыщеватый и невзрачный, к тому же его всегда грызла зависть. Он мог бы позволить себе купить яхту, но кто захотел бы путешествовать с таким занудой. Когда он высказался против расходов на дизельное топливо, Друтер великодушно сделал ему уступку, но предложил при этом выбросить со счета фирмы расходы на бензин для личных машин сотрудников. Сам же он пользовался автомобилем фирмы, потому что жил в Лондоне, а дом Бликсона находился в Хэмпшире. Таким образом было достигнуто то, что Друтер осторожно назвал компромиссом, и все осталось по-прежнему, как и было. Когда Бликсону удалось заполучить рыцарский титул, некоторое время преимущество было за ним, пока не

разнеслась молва, что Друтер отказался находиться в одном наградном списке с Бликсоном. Чистой правдой было только одно – как-то на званом приеме, куда были приглашены Бликсон и мой шеф, Друтер вслух охаивал рыцарский титул, который собирались присвоить какому-то художнику: "Такого просто не может быть. Он не примет этого титула. Он откажется. Орден "За заслуги" или разве что "Кавалер ордена Почета" – единственные награды, действительно достойные уважения". Обида усугублялась еще и тем, что Бликсон даже и не слышал о такой награде, как орден Почета.

Но Бликсон ждал своего часа. Еще один пакет акций обеспечил бы ему контроль над всей фирмой, и мы привыкли к мысли, что главная его молитва по вечерам (он был церковным старостой в Хэмпшире) посвящена тому, чтобы эти акции выкинули на рынок, пока Друтер путешествует в открытом море на яхте.

С тяжелым сердцем я постучал в дверь десятой комнаты и вошел туда. Но даже тяжесть на сердце не помешала мне запомнить детали, узнать о которых, конечно же, было бы очень интересно моим коллегам на нижнем этаже.

Комната совершенно не напоминала привычного официального кабинета – там стоял книжный шкаф, заполненный произведениями английских классиков. Утонченный вкус Друтера проявлялся в том, что на полках, скажем, был Троллоп, а не Диккенс, Стивенсон, а не Вальтер Скотт, – этим самым подчеркивались его личные пристрастия. На дальней стене висели малоизвестная картина Ренуара и чудесный небольшой пейзаж Будена. Сразу же бросалось в глаза, что в кабинете вместо письменного стола стоял диван. Небольшая стопка деловых бумаг лежала на столике в стиле Регентства, а Бликсон, мой шеф и какой-то незнакомец неловко устроились на краю легких кресел. Самого же Друтера почти не было видно – он утонул в самом большом и глубоком кресле, держа над головой какие-то бумаги и мрачно поглядывая на них через толстейшие очки – таких толстых стекол мне еще встречать не приходилось.

– Это фантастика! Такого просто быть не может! – произнес он глубоким гортанным голосом.

– Не понимаю, зачем придавать такое значение... – заметил Бликсон.

Друтер снял очки и внимательно глянул через всю комнату на меня.

– Кто вы? – спросил он.

– Это мистер Бертрам, мой помощник, – объяснил Главный бухгалтер.

– А что же он тут делает?

– Вы просили послать за ним.

– Ага, вспомнил, – сказал Друтер. – Но это ведь было полчаса назад.

– Я отлучался на ленч, сэр.

– Ленч? – переспросил Друтер, словно впервые слышал это слово.

– Это было во время перерыва на ленч, мистер Друтер, – пояснил главный бухгалтер.

– И они ходят на ленч?

– Да, мистер Друтер.

– Все?

– Думаю, большинство.

– Очень интересно, я даже и не знал. А вы ходите на ленч, сэр Уолтер?

– Конечно, хожу, Друтер. Ну, в конце-то концов, ради всего святого, давайте поручим это дело мистеру Арнольду и мистеру Бертраму! Не сходитесь всего лишь на семь фунтов пятнадцать шиллингов и четыре пенса.

– Дело не в сумме, сэр Уолтер. Мы с вами несем ответственность за большой бизнес. Мы не имеем права перекладывать свою ответственность на плечи других. Обладатели акций...

– Вы несете сейчас несусветную чушь, Друтер. Обладатели акций – только я и вы...

– И еще один человек, сэр Уолтер. Вы никогда не должны забывать о нем. Мистер Бертрам, пожалуйста, садитесь и просмотрите этот счет. Он случайно не проходил через вас?

Я с облегчением убедился, что счет принадлежит неизвестной мне компании.

– Я никогда не имел дел с "Дженерал энтерпрайсиз", сэр.

– Ничего. Зато вы хорошо разбираетесь в цифрах – никто здесь лучше, чем вы, их не знает. Пожалуйста, просмотрите счет. Возможно, заметите в нем какую-нибудь ошибку.

Самое плохое, вероятно, было позади. Друтер уже нашел ошибку и, в действительности, не был особенно заинтересован в ее исправлении.

– Угощайтесь сигарой, сэр Уолтер. Как видите, без меня вы еще обойтись не

сможете.

Он закурил сигару.

- Вы нашли ошибку, мистер Бертрам?

- Да, нашел. В графе общих расходов.

- Попали в самую точку. Задержитесь, мистер Бертрам.

- Если вы ничего не имеете против, Друтер... У меня заказан столик в ресторане "Беркли"...

- Конечно же, сэр Уолтер, если вам так хочется есть... Я должен закончить это дело.

- Пойдемте, Найсмит.

Незнакомец поднялся, едва заметно поклонился Друтеру и бочком выскользнул вслед за Бликсоном.

- А вы, Арнольд, еще не ходили на ленч?

- Это на самом деле так важно, мистер Друтер?

- Вы должны простить меня. Мне никогда даже не приходило в голову насчет этого... как его?... перерыва на ленч - кажется, вы так его называете?

- Право же, это не имеет...

- Мистер Бертрам уже ходил на ленч. Мы с ним решим эту проблему сами. Пожалуйста, скажите мисс Булен, что я не откажусь от стаканчика молока. А как вы, мистер Бертрам, насчет стакана молока?

- Нет, спасибо, сэр. Я не хочу.

Я очутился наедине с Гомом. Я чувствовал себя беззащитным, когда он наблюдал, как я перебираю бумаги - здесь, на восьмом этаже, на горной вершине, - подобно тем библейским пророкам, которым Властелин приказывает: "Предсказывайте! Пророчествуйте! Толкуйте Святое Писание!"

- Где вы завтракаете, мистер Бертрам?

- В "Волонтере".

- Неплохой ресторан?

- Это бар.

- А еда у них там есть?

- Только легкие закуски.

- Интересно.

Он умолк. И я снова принялся все складывать, переносить, отнимать. Некоторое время я находился в затруднительном положении. Человеческие существа могут сделать самую простую ошибку, скажем, забыть перенести какую-нибудь цифру, но все эти новейшие машины, разве они не способны...

- Я чувствую себя, как в открытом океане, мистер Бертрам, - заметил Друтер.

- Должен признаться, сэр, и я немного обескуражен.

- О, я имею в виду совсем не то, что вы думаете. Совсем не то. Не нужно торопиться. Вы справитесь с этим успешно. Времени еще хватает. Я имел в виду, что, когда сэр Уолтер вышел, я сразу же почувствовал себя легко и непринужденно. А сейчас я думаю о своей яхте.

Дым сигары повис между нами.

- "Красота, покой и наслаждение", - процитировал он знакомую поэтическую строчку.

- Я не нахожу никакого порядка или красоты в этих цифрах, сэр.

- Вы читали Бодлера, мистер Бертрам?

- Читал.

- Это мой любимый поэт.

- А мне больше нравится Расин, сэр. Вероятно, потому, что я по специальности математик.

- Не преувеличивайте его классицизм. В произведениях Расина встречаются места, мистер Бертрам, где... разверзается пропасть...

У меня было такое ощущение, как будто он изучает меня, пока я снова и снова перепроверял свои расчеты.

- Как все это интересно, - вынес он свой вердикт.

Но теперь я уже действительно целиком погрузился в дело. Никогда не мог понять равнодушного отношения людей к цифрам. Самый набитый дурак смутно понимает поэзию солнечной системы - "этой армии неизменного закона", - однако ему не дано увидеть очарование в державном шаге цифровых колонн; некоторые из них движутся вверх, переименовываются, одна и та же цифра несколько раз появляется в разных местах, - и все это вместе похоже на тщательно подготовленное, замысловатое упражнение, выполняемое военными на

марше. Теперь я выслеживал одну маленькую цифру, которая старалась улизнуть от меня.

- Какие компьютеры используются в "Дженерал энтерпрайзиз"?

- Это точно известно мисс Булен.

- Я убежден, что все дело в компьютерах марки "Револг". Мы не пользуемся ими уже лет пять. Когда они у нас были, в них проявлялась тенденция делать незначительные ошибки, и только в том случае, когда взаимодействовали цифры 2 и 7, и то не всегда, а только при вычитании и сложении. И вот посмотрите, сэр, эти комбинации встречаются тут четыре раза, но только в одном месте сделана ошибка.

- Бог с ним, не нужно мне ничего объяснять, мистер Бертрам. Для меня все это - темный лес.

- Никто не допустил никакой ошибки, виновата только машина. Пропустите эти цифры через одну из ваших новых машин, а все компьютеры марки "Револг" выбросите, потому что они давно уже отработали свой срок.

Я откинулся на диван, задыхаясь от переполнявшего меня чувства триумфа. Я блестяще решил сложную задачу и был горд, что расследование проведено мастерски. Все, на первый взгляд, выглядит просто, если вы - человек опытный. До меня все слепо верили в совершенство машины, но нет машин совершенных во всех отношениях: в каждом соединении, каждой заклепке, в каждом винтике - первородный грех. Я старался все это объяснить Друтеру, но от возбуждения мне просто не хватало дыхания.

- Очень интересно, мистер Бертрам. Мне приятно, что мы разрешили эту проблему, не прибегая к услугам сэра Уолтера Бликсона. Вам действительно не хочется выпить стаканчик молока?

- Нет, спасибо, сэр. Мне пора возвращаться на первый этаж.

- Не спешите. Вы выглядите утомленным, мистер Бертрам. Когда последний раз вы были в отпуске?

- Мой очередной отпуск как раз вот-вот начинается, сэр. Кстати, я собираюсь использовать его для свадебного путешествия.

- Вот как! Интересно. Вам уже вручили, надеюсь, часы?

- Часы?

- По-моему, в нашей фирме всегда дарят часы по такому случаю. Вы впервые женитесь, мистер Бертрам?

- Нет... второй раз.

- Ага, ну вот и хорошо. Во второй раз появляется гораздо больше шансов.

Безусловно, Гом вызывал к себе симпатию. Он вынуждал вас разговаривать с ним искренне и делал вид, что действительно заинтересован, - а по-моему, он был захвачен разговором несколько минут, не больше. Гом был узником в своем кабинете, и незначительные подробности внешнего света доходили до его сознания и поражали своей новизной, он радовался им, как арестант радуется случайному появлению живой мышки в камере или какого-нибудь листочка, неожиданно залетевшего через оконные решетки.

- Мы собираемся провести медовый месяц в Борнмуте, - сказал я.

- Ну это, по-моему, не самое лучшее решение. Слишком уж тривиально. Вам нужно поехать с молодой женой на юг... скажем, на побережье Рио-де-Жанейро.

- Боюсь, я не смогу позволить себе такой роскоши, сэр.

- Вам полезно побывать на солнце, мистер Бертрам. Вы выглядите очень бледным. Можно было бы поехать в Южную Африку, но это было бы не лучше, чем Борнмут.

- Боюсь, в любом случае...

- Расходы я беру на себя, мистер Бертрам. Вы со своей красивой молодой женой поедете на моей яхте. Все мои гости высаживаются в Ницце и Монте-Карло. Я подберу вас там тридцатого. Мы поплывем вдоль побережья Италии, в Неаполитанский залив, на остров Капри.

- Боюсь, сэр, осуществить это будет тяжело. Я вам очень благодарен, но, поймите, мы венчаемся как раз тридцатого.

- Где?

- В церкви Святого Луки, на Мейда-Хилл.

- Святого Луки?! Снова вы очень тривиальны, мой друг. Имея молодую, красивую невесту, нельзя быть таким тривиальным. Она, конечно же, молодая, мистер Бертрам?

- Да.

- И красивая?

- Для меня да, сэр.

- В таком случае вы просто обязаны зарегистрировать свой брак в Монте-Карло, в мэрии. А я буду у вас свидетелем. Тридцатого. Вечером мы отплываем в Портофино. Это лучше, чем церковь Святого Луки или Борнмут.

- Конечно же, возникнут некоторые сложности с оформлением соответствующих документов...

Но он уже вызывал мисс Булен. По-моему, из него получился бы неплохой актер: он уже представлял себя в роли Гаруна аль-Рашида, который способен поднять человека из неизвестности и назначить его властелином провинции. У меня также возникла мысль, что он хотел возбудить тем самым зависть у Бликсона. Это было продолжением той истории с рыцарским титулом. Бликсон, по всей вероятности, задумал пригласить на обед премьер-министра. А Гом, приглашая меня в путешествие на яхте, хотел, доказать, что ему в высшей степени наплевать на чины, и тем самым обесценил любой общественный успех в высших кругах, какого только мог достичь Бликсон.

Мисс Булен появилась со вторым стаканом молока.

- Мисс Булен, пожалуйста, согласуйте с нашим отделением в Ницце все, что необходимо, чтобы мистер Бертрам зарегистрировал свой брак в Монте-Карло тридцатого в четыре часа пополудни.

- Тридцатого, сэр?

- Могут возникнуть определенные трудности с оформлением его проживания в Монте-Карло - они должны их уладить. Пусть зачислят его в свой штат, как будто он работал там последние пять месяцев. Об этом они должны сообщить британскому консулу. Вам лучше оговорить все по телефону с мсье Тисоном, но я не должен больше напоминать вам об этом. И еще, передайте сэру Уолтеру Бликсону, что мы обнаружили существенные дефекты в машинах марки "Револт". Все они должны быть немедленно заменены. Пусть он проконсультируется насчет этого с мистером Бертрамом, который посоветует, как лучше поступить. И я не должен вам больше об этом напоминать. Из-за путаницы с цифрами у нас сегодня было очень тяжелое утро. Итак, мистер Бертрам, прощаюсь с вами до тридцатого. Не забудьте захватить с собой собрание сочинений Расина. Все бумаги оставьте у мисс Булен.

Все было улажено как следует. Так считал он. Но последнее слово было за Кэри.

Назавтра была суббота. Я встретился с Кэри в "Волонтере" и проводил ее до самого дома. Стоял один из тех весенних дней, когда деревенские запахи можно почувствовать и на лондонских улицах - запахи деревьев и цветов доходили до Оксфорд-стрит из Гайд-парка, собора Святого Джеймса, Кенсингтон-гардена.

- Ах, - вздохнула она. - Как бы мне хотелось уехать далеко-далеко, туда, где очень тепло, и очень весело, и очень...

Я вынужден был удержать ее, потому что она могла попасть под автобус или такси - иногда удивляюсь, как она вообще остается в живых, когда меня нет рядом.

- Что же, - ответил я, - это мы можем осуществить.

И пока мы ожидали смены огней светофора, я рассказал ей все.

Не знаю, почему, но я ожидал, что она решительно будет возражать против предложения Гома: вероятно, ей очень уж нравилась церковная свадьба с хором, пирогом и всей этой ерундой.

- Как было бы чудесно, - сказал я, - только представь себе: жениться в Монте-Карло, а не на Мейда-Хилл. А потом нас ожидает путешествие на яхте...

Мне не приходилось бывать в тех местах никогда, поэтому подробности были довольно неопределенные. Она возразила:

- И возле Борнмута также есть море. По крайней мере, мне так говорили.

- А итальянское побережье...

- В компании с твоим мистером Друтером.

- Мы же будем жить с ним в разных каютах, - уточнил я. - К тому же я не совсем уверен, что в Борнмуте будут свободные номера в отеле.

- Милый, я очень хочу обвенчаться в церкви Святого Луки.

- Только представь себе мэрию в Монте-Карло, почтенного мэра, облаченного в праздничное одеяние...

- А разве это означает вступить в брак?

- А разве нет?

- Было бы хорошо, если бы в мэрии нельзя было заключать брак. Тогда мы смогли бы обвенчаться в церкви Святого Луки после возвращения домой.

- В таком случае мы мы с тобой жили там в грехе.
- Мне так хочется пожить в грехе.
- Пожалуйста, - ответил я, - на это я всегда готов.

Хоть сегодня в полдень.

- Ах, я имею в виду не Лондон, - возразила она. - Это просто значило бы заниматься любовью. Жить в грехе... - это яркий цветной зонтик против солнца, восемьдесят градусов в тени и виноград... и ужасно смелый купальник. Кстати, мне нужно купить новый купальник.

Я посчитал, что все уладилось, но внезапно ее взгляд остановился на одном из тех остроконечных шпилей, которые вздымались из-за платанов на площади впереди.

- Мы уже разослали приглашения. Что скажет тетя Марион? (Она жила с тетей Марион с того времени, как ее родители погибли на войне.)

- А ты скажи ей правду. Уверен, ей больше понравится получать открытки из Италии, чем из Борнмута.

- Нужно принять во внимание и оскорбленные чувства викария.

- Полагаю, он от этого не умрет.

- Никто не поверит, что мы с тобой действительно поженились, - добавила она после небольшого раздумья (в добродетели ей не откажешь). - Нам будет неловко.

Потом ее настроение снова изменилось, и она задумчиво продолжила:

- Ты берешь себе свадебный костюм напрокат. А я себе сшила специальное платье.

- Еще есть время перешить его в вечернее. В конце концов, все равно тебе пришлось бы переделывать его.

Перед нашими глазами предстали невыразительные очертания какой-то церкви: это было уродливое здание, но не более безобразное, чем церковь Святого Луки. Оно было серое и суровое, все обляпанное копотью, со ступеньками цвета глины. Текст на фасаде гласил: "Приходите ко мне все, кто обременен заботами".

Едва ли не то же самое, что "Оставь надежду всяк сюда входящий".

Только что закончилась церемония венчания, и около входа собралась сумрачная толпа убого одетых девушек с детскими колясками - и дети, и собаки пронзительно визжали и скулили. Здесь же находились и пожилые матроны. Вид у них был такой, словно они собрались тут, чтобы проклясть молодых.

- Давай понаблюдаем, - сказал я, - такое может случиться и с нами.

Из церкви вышла и выстроилась вдоль обеих сторон ступенек вереница девушек в длинных розовато-лиловых платьях и кружевных голландских чепчиках. Они со страхом бросали взгляды на молодых нянечек с детьми и пожилых матрон, одна из девушек не выдержала и захихикала - трудно было бы упрекать ее за это.

Двое фотографов установили камеры, чтобы снять церемонию выхода молодых на фоне арки, украшенной каменными листочками клевера. И вот наконец появились жертвы, а за ними потянулась толпа родственников.

- Какой ужас! - заметила Кэри. - Просто ужасно. Подумать только, на их месте могли бы оказаться ты и я.

- Ну, пока еще у тебя нет зоба, да и я, слава Богу, не краснею как рак и знаю, куда девать свои руки.

Подружки невесты вытащили пакетики с бумажными лепестками роз и начали забрасывать ими молодых, которые направлялись к автомобилю, украшенному цветными лентами.

- Им еще улыбнулось Счастье, - сказал я. - С рисом сейчас тяжело. Но, надеюсь, тетя Марион, конечно же, сможет договориться с бакалейщиком.

- Не будет она этим заниматься!

- Никому нельзя доверять на свадьбе. Она вызывает в людях непонятную атавистическую жестокость. Посмотри, вот теперь они не позволяют невесте сесть в машину, стараются оскорбить жениха. Видишь?! - спросил я, схватив Кэри за руку.

Маленький мальчик с молчаливого согласия одной из хмурых матрон незаметно подкрался к дверцам автомобиля и, как только жених наклонился, чтобы влезть в машину, коротким взмахом швырнул полную горсть риса в лицо молодому.

- Если у тебя имеется только стакан риса, - заметил я, - то ты вынужден бросать весь рис прямо в глаза врагу.

- Но это ведь ужасно! - воскликнула Кэри.

- Это и есть то, что называется церковным браком.

- У нас все будет иначе! Очень скромно, только самые близкие родственники.

- Но ты забыла о дорогах и оградах. Это христианская традиция. Мальчик этот никакой не родственник ни жениху, ни невесте. Поверь мне, я знаю. Мне приходилось уже венчаться в церкви.

- Ты венчался в церкви?! Но ты никогда не говорил мне об этом, - отметила она. - В таком случае мне больше по душе оформить наш брак в мэрии.

- А вот это у меня в жизни будет впервые. Один раз и навсегда.

- О боже! - сказала Кэри. - Скорей постучи о чтонибудь деревянное.

Вот так и случилось, что Кэри гладила колено бронзовой лошади здесь, в Монте-Карло, умоляя о счастье, и мы сидели одни в огромной гостиной отеля. И я сказал Кэри:

- Не волнуйся. Все будет хорошо. Наконец-то мы остались с тобой одни.

Это было действительно так - если не считать портье, кассира, швейцара, двух лакеев с нашим багажом и пожилой пары, которая сидела на диване, - потому что мистер Друтер, как мне сказали, еще не приехал, и нас ожидала чудесная ночь, которую мы проведем с Кэри вдвоем в одном из номеров отеля.

Губы обедали на террасе отеля и наблюдали, как люди входили в казино.

- Может быть, - сказала Кэри, - заглянем туда: просто так, ради интереса. В конце концов, мы же с тобой не азартные игроки, правда?

- Куда уж нам, - ответил я, - с нашими пятьюдесятью фунтами.

Мы решили не трогать ее денег, чтобы зимой иметь возможность поехать отдохнуть на недельку в Ле-Туке.

- Ты же бухгалтер, - сказала Кэри. - Ты должен в совершенстве знать все системы игры в рулетку.

- Все системы требуют много денег, - ответил я и внезапно подумал о нашем номере, который мисс Булен уже забронировала для нас: я даже не знаю, сколько он стоит. Наши паспорта были все еще на разные фамилии, и я полагал, что имеет смысл снять два отдельных номера, но гостиная - это уже слишком. Возможно, она нам понадобится после свадьбы.

- Чтобы играть по системе, - сказал я, - нужно иметь миллион франков. К тому же ставки ограничены. Да и банкомет никогда не проигрывает.

- А я слышала, что кому-то удалось сорвать банк.

- Такое случается только в комических куплетах, - ответил я.

- Было бы ужасно, если бы мы действительно были заядлыми игроками, - заметила она. - Ты бы все время думал только о деньгах. Ты этого, надеюсь, делать не будешь?

- Нет, - заверил я, и это была правда. В тот вечер меня волновал только один вопрос: проведем ли мы эту ночь вместе. До этого мы еще никогда не спали с ней вместе. Такие уж отношения сложились между нами... Я согласен был ждать еще долгие месяцы, чтобы только привести в счастье остаток своей жизни с нею. Но сегодня вечером я уже не мог терпеть дальше. Я был взволнован, как юноша, - внезапно я понял, что совершенно не представляю, что у нее на уме. Кэри на двадцать лет моложе меня и еще не была замужем - все в ее руках. Я даже не знал, как понимать то, что она говорила. Например, когда мы пришли в казино, она отметила: "Мы побудем здесь минут десять, не больше. Я очень устала". Был ли это намек в мою пользу? Или против меня? Или, возможно, это была обычная констатация факта? Волновал ли ее тот же вопрос, что и меня? А возможно, она уже все решила заранее и для нее этого вопроса уже не существовало? Или, возможно, она считает, что я должен взять инициативу в свои руки?

Я думал, что когда нас приведут в номер, все станет понятным, но она лишь воскликнула с радостью:

- Милый! Как тут роскошно! И какая пустая трата денег!

Мисс Булен уверяла меня: "Это только на одну ночь: Потом вы будете на борту яхты". В номере были большая спальня на двоих и маленькая на одного, а между ними среднего размера гостиная. Все три комнаты имели общий балкон.

Сначала Кэри огорчила меня, потому что сказала:

- Нам нужно было снять два одиночных номера.

Но тут же отметила, противореча себе:

- Но чтобы кровати были двуспальные.

А потом я снова упал духом, когда она сказала, глядя на диван в гостиной:

- А я могу спать и тут.

Словом, я так толком ничего не понял, и мы продолжали обсуждать разные системы игры в рулетку, хоть мне было совсем не до этих проклятых систем.

В казино мы показали свои паспорта, получили билеты и вошли в зал, где делаются небольшие ставки.

- Вот это мне подходит, - сказала Кэри, и она была права.

За столами сидели постоянные посетители со своими таблицами, графиками и карандашами, которыми они помечали каждый номер, на который выпадал выигрыш. Некоторые из них походили на курильщиков опиума. Я обратил внимание на маленькую смуглую старую леди в соломенной шляпке, украшенной лет сто назад маргаритками. Ее левая рука лежала на краю стола, будто ручка зонтика, а в правой она держала фишку стоимостью в сто франков. Когда игральный шарик перекрутился четыре раза, она поставила свою фишку и проиграла. Затем снова стала ждать своей очереди. Молодой человек наклонился над ее плечом и поставил сотню на последние двенадцать номеров, выиграл и отошел от стола.

- Вот это благоразумный человек, - отметил я.

Когда мы проходили через бар, то увидели его у стойки с бокалом пива и сэндвичем в руках.

- Вероятно, празднует свой выигрыш в три сотни франков, - сказал я.

- Не придирайся к нему, взгляни на него внимательнее. По-моему, он ест сегодня впервые.

Мне до смерти хотелось ее, и я внезапно вскипел поглупому, потому что при других обстоятельствах она никогда бы не взглянула на него дважды. Вероятно, это было предвестием нашей будущей совместной жизни. Я сказал:

- Ты бы не обозвала меня придирой, если бы он не был таким молодым и красивым.

- Милый, - удивленно заметила она, - я только... - И тут она твердо сжала губы. - Ты действительно ведешь себя теперь как мелкий придира, - отметила она. - Пусть меня черти возьмут в ад, если я первая попрошу у тебя прощения.

Она специально остановилась и уставилась на молодого человека, пока тот не поднял свое романтическое голодное лицо и не взглянул на нее.

- Да, - отметила она, - он молод и привлекателен.

И твердой походкой вышла из казино. Я поплелся следом за ней, кляня себя на чем свет стоит за свою несдержанность.

- Потянул же меня черт за язык... - шептал я про себя.

Теперь-то я знал, как мы проведем эту ночь.

В глухом молчании мы поднялись в лифте, прошли по коридору и очутились у себя в номере, в гостиной.

- Ты можешь занять большую комнату, - предложила она.

- Нет, она для тебя.

- Мне вполне достаточно маленькой. Мне не нравятся большие комнаты.

- В таком случае я должен перенести твои вещи, потому что их уже внесли в большую комнату.

- Ну, ладно, пусть остается так, как есть, - отрезала она, вошла в большую комнату и закрыла дверь, даже не пожелав мне спокойной ночи.

Во мне начала закипать злость и на нее, и на себя.

- Неплохая первая брачная ночь, - сказал я вслух, пнув ногой чемодан. Но тут же вспомнил, что мы еще не поженились, и все, что произошло, показалось мне нелепым.

Я надел пижаму и вышел на балкон. Фасад казино был залит светом: здание походило на дворец какого-нибудь балканского вельможи. На краю его зеленой крыши высилась какая-то нелепая, безобразная скульптурная группа. В сверкающем свете все это бросалось в глаза... В небо над возвышенностью Монако взлетела ракета. Все вокруг выглядело так романтично!

- Фейерверк, милый, - раздался голос Кэри, которая тоже вышла на балкон полюбоваться разноцветием огней.

Нас разделял балкон гостиной.

- Фейерверк, - повторила она. - В честь нашего счастья. Ну, разве нам не повезло?

Таким образом я узнал, что между нами снова воцарились мир и согласие.

- Кэри, - сказал я (нам приходилось почти кричать, чтобы услышать друг друга), - прости меня, пожалуйста...

- Как ты думаешь, будет ли "огненное колесо"?

- Возможно, будет.

- Ты видишь огни в гавани?

- Да.

- Ты думаешь, яхта мистера Друтера уже прибыла?

- По-моему, он появится завтра утром в самый последний момент.

- А мы сможем обручиться без него? Он ведь наш свидетель. Может, у него на яхте сломался двигатель или корабль попал в шторм, - да мало ли что могло случиться в открытом море.

- Думаю, мы прекрасно обойдемся и без него.

- Ты уверен, что все образуется, правда?

- Конечно. Мисс Булен все предусмотрела. Завтра в четыре часа.

- Я уже охрипла от крика, а ты, милый? Перейди на другой балкон.

Через гостиную я перешел на другой балкон. Она продолжила:

- Вероятно, завтра мы будем завтракать все вместе: ты, я и твой Гом.

- Если он успеет на завтрак...

- Вот была бы потеха, если бы он не успел, если бы он немного опоздал...

Мне очень нравится этот отель.

- Думаю, что у нас хватит денег дня на два, не больше.

- Забудь про все эти ужасные счета. Не обращай на них внимания, - сказала она, потом добавила: - Но все-таки это не так весело, как жить в грехе. Интересно, у того молодого человека, видимо, много долгов?

- Мне хочется, чтобы ты забыла о нем.

- О, мне он абсолютно безразличен, милый. Мне не нравятся молодые ребята,

- она задумалась. - По-моему, я склонна относиться к тебе, как к отцу.

- Черт побери, Кэри, - обиделся я. - Не такой уж я и старик!

- Нет, ты старей, - настаивала она. - Половая зрелость начинается в четырнадцатилетнем возрасте.

- В таком случае через пятнадцать лет после этой ночи ты можешь стать бабушкой.

- После сегодняшней ночи? - нервно переспросила она и сразу же смолкла. Еще один фейерверк взорвался в небе.

- Вот оно, твое "огненное колесо", - сказал я.

Она подняла голову и безразлично посмотрела на огни фейерверка.

- О чем ты теперь думаешь, Кэри?

- Странно, - заметила она. - С этого времени мы собираемся жить вместе многие годы. Милый, как ты думаешь, у нас хватит с тобой тем для разговоров?

- Мы ведь с тобой будем не только беседовать.

- Милый, я говорю серьезно. Есть ли между нами нечто общее? Я совершенно ничего не понимаю в математике. Я не понимаю поэзии, которой ты восхищаешься.

- Тебе этого совсем и не нужно... Ты сама - поэзия.

- Нет, право же, я говорю серьезно.

- Мы еще не исчерпали всех тем для разговоров, а мы ведь с тобой еще совсем ничего не делали, только все говорим и говорим.

- Будет ужасно, - сказала она, - если мы с тобой сделаемся обычной семейной парой. Ты понимаешь, что я имею в виду. Ты все время будешь копать в своих бумагах, а я буду вязать.

- Ты ведь даже не умеешь вязать.

- Ну, тогда буду раскладывать пасьянс. Или слушать радио. Или смотреть телевизор. У нас никогда не будет телевизора, правда, милый?

- Никогда, - пообещал я.

Ракеты в небе постепенно гасли, наступило долгое молчание. Я отвел взгляд от огней в гавани. Она сидела на корточках на полу, опершись головой о разделяющую нас стенку, и крепко спала. Наклонившись, я дотронулся до ее волос. Она мгновенно вскочила.

- О, какая же я глупышка - задремала.

- Пора уже ложиться спать.

- Нет, правда, я совсем не хочу спать.

- Ты ведь сама сказала, что задремала.

- Это свежий воздух. Так приятно на свежем воздухе.

- Тогда переходи ко мне.

- Хорошо. А разве можно? - нерешительно спросила она.

- Зачем нам эти два балкона?

- Не знаю.

- Переходи сюда.

- Я перелезу.
- Нет. Не надо... Ты можешь...
- Не спорь со мной, - отрезала она. - Я уже тут.

Наверное, когда утром пришли убирать наши комнаты, то подумали, что мы сошли с ума: три постели на двоих - и ни на одной из них никто не ложился спать.

Позавтракав, мы поехали на такси в мэрию - я хотел убедиться, что мисс Булен ничего не напутала. Но все оказалось в порядке: брачная церемония должна состояться ровно в четыре часа. Нас попросили не опаздывать, потому что регистрация следующего брака назначена на четыре тридцать.

- А не зайти ли нам в казино? - спросил я у Кэри. - Теперь, когда все улажено, мы можем позволить себе истратить, скажем, тысячу франков.

- Давай сперва заглянем в порт и убедимся, что Гом еще не приехал.

Мы спустились по лестнице, которая напоминала мне Монмартр, если не принимать во внимание то, что все вокруг было такое блестящее, чистое, новое, а не серое, древнее и историческое.

И всюду напоминали о казино: в книжных магазинах продавали системы игры в конвертах, на которых было написано: "2500 франков - гарантированный выигрыш каждую неделю"; в магазинах детских игрушек торговали маленькими столиками для игры в рулетку; в табачных лавках были выставлены пепельницы в виде рулеточного колеса; даже в магазинах женских товаров были шали, украшенные цифрами и надписями: промах, чет, нечет, красное, черное.

В гавани стояла дюжина яхт, над тремя из них реяли британские флаги, но ни одна из них не была "Чайкой" Друтера.

- Какой ужас, вдруг он забыл о нас, - произнесла Кэри.

- Мисс Булен никогда не позволит ему забыть о нас. Я думаю, что он теперь высаживает своих гостей где-нибудь в Ницце. Однако ты ведь вчера вечером сама хотела, чтобы он опоздал.

- Да, но сегодня утром мне показалось это ужасным. Может быть, нам все-таки не нужно идти в казино?

- Давай сойдемся на компромиссном решении, - уточнил я. - Триста франков. Нельзя ведь уехать из Монако, так ни разу и не сыграв на рулетке.

Мы некоторое время побродили по казино. Была рабочая половина дня - туристы отсутствовали, и зал для больших ставок был еще закрыт, а за постоянно действующими столиками сидели ветераны. Все они с таким напряжением отдавались игре, как будто их ленч зависел от того, выиграют они или нет. Для них это была долгая, тяжелая и нудная работа. Чашечка кофе, а потом снова такая же работа до обеда, и только в том случае, если их система приносила успех, они позволяли себе ленч. Кэри усмехнулась - я уже забыл, по какому поводу, - и какие-то старик с партнершей подняли головы на другой стороне стола и бросили на нее ледяные взгляды. Они были до глубины души оскорблены ее фривольностью: для них рулетка - не просто игра. Даже когда система приносила успех, какой огромный труд стоял за этим выигрышем в 2500 франков еженедельно! Вооруженные своими диаграммами и графиками, они не надеялись на слепой случай. Другое дело - случай вновь и вновь впутывался в их тщательно разрабатываемые системы и выгребал лопаткой их фишки со стола.

- Милый, давай сделаем ставку.

Она поставила все свои триста франков на цифру, которая соответствовала ее возрасту, и скрестила на счастье пальцы. Я действовал осторожнее: поставил одну фишку на ту же цифру, что и она, а две другие - на черное и нейтральное поле. Мы оба проиграли на ее возрасте, но две другие мои ставки выиграли.

- Ты выиграл огромное богатство! Какой же все-таки ты у меня умный.

- Я выиграл двести и проиграл сто.

- А теперь выпей чашечку кофе. Говорят же, если выиграешь, нужно вовремя остановиться.

- Но мы-то совсем ничего не выиграли. Мы даже проиграли четыре доллара.

- Ты ведь выиграл!

За кофе я сказал:

- Знаешь, а не купить ли мне систему игры? Просто ради любопытства. Мне бы хотелось понять, как ею пользоваться.

- Если кто и способен придумать какую-нибудь систему, то это только ты!

- Я могу разработать вероятные пути выигрыша, но только в том случае, если ставки - неограниченные. И если они действительно неограниченные, то

можно сделаться миллионером.

- Милый, неужели ты серьезно думаешь открыть какую-то новую систему? Смешно даже предположить, что можно стать миллионером за два дня, но еще смешнее было бы, если бы это случилось. Ты только взгляни на гостей нашего отеля - они же богатые? - на этих женщин с натянутой на лицах кожей, с редкими волосами и с их ужасными собачками. - По-моему, ты начнешь бояться старости, если станешь богатым.

- У бедных другие, еще более серьезные страхи.

- К таким страхам мы уже привыкли. Милый, давай сходим и снова посмотрим на гавань. Уже время ленча. Возможно, увидим яхту Друтера. Это место... Оно мне очень не нравится.

Мы склонились над бельведером и посмотрели на гавань - никаких изменений там не было. Море было голубое и спокойное. Голос рулевого с восьмерки разносился далеко по водной глади. Из-за далекого мыса выплыл белый кораблик, он казался меньше, чем детская игрушка в ванне.

- Ты думаешь, что это яхта мистера Друтера? - спросила Кэри.

- Возможно. Вероятно, это она и есть.

Однако это была не она. Когда мы вернулись сюда после ленча, то не увидели в гавани ни "Чайки", ни стоявшей здесь ранее яхты: видимо, она поплыла куда-то в Италию. Конечно, у нас еще не было особых причин для волнения: мы все равно поженимся, даже если Друтер не появится до вечера. Я предположил:

- Если он где-то задержался, то он дал бы телеграмму.

- Наверное, он просто забыл о нас, - ответила Кэри.

- Такое быть не может, - сказал я, но разум подсказывал мне, что от Гома можно ожидать чего угодно.

- Думаю, - сказал я, - нужно предупредить в отеле, чтобы нам оставили только одну комнату - на всякий случай.

- Маленькую комнатку, - уточнила Кэри.

Портье обескураженно переспросил:

- Одну комнату, сэр?

- Да, одну комнату. Маленькую.

- Маленькую? Для вас и для мадам, сэр?

- Да, - я вынужден был объяснить ему: - Мы собираемся сегодня пожениться.

- Поздравляю вас, сэр.

- Мы ждем мистера Друтера, который обещал скоро приехать сюда.

- Но он обычно сообщает нам... Мы его не ждем.

Кэри я не сказал ничего. Какая разница, в конце концов, - с Гомом или без Гома.

Сегодня у нас свадьба. Я предложил вернуться в казино и проиграть там еще сотню-другую франков, но она сказала, что хочет погулять по террасе и посмотреть на море. Она по-прежнему надеялась встретить "Чайку". Однако, судя по всему, это были напрасные надежды. Тот разговор с Гомом ничего не стоил.

Доброта Друтера ничего не стоила, его каприз исчез, как дикая птица, в снежном пространстве его разума, не оставив никаких следов. Гом просто-напросто забыл о нас.

- Пора уже идти в мэрию, - сказал я.

- У нас даже нет свидетелей, - заметила Кэри.

- В мэрии обязательно найдется какая-нибудь пара, - заверил я ее, хотя на самом деле такой уверенности у меня не было.

Я подумал, что было бы шикарно подкатить туда на экипаже, запряженном лошадью, и мы уселись под грязновато-белым тентом романтического старомодного драндулета, который попался нам возле казино. Но мы сделали неудачный выбор. Лошадь была кожа да кости, а я совсем упустил из виду, что дорога шла в гору. Старый джентльмен со слуховым аппаратом в ушах двигался навстречу в сопровождении пожилой женщины, и они шли бы значительно быстрее, чем мы ехали. Когда они поравнялись с нами, я услышал, что они говорят по-английски. Женщина заканчивала рассказывать какую-то историю.

- ...и вот так они несчастными доживали свой век, - сказала она.

Старик хихикнул и попросил:

- Расскажешь мне эту историю когда-нибудь еще.

Я бросил взгляд на Кэри, надеясь, что она ничего не услышала, но напрасно.

- Милая, - сказал я, - не будь суеверной хотя бы сегодня.

- В приметах есть большой смысл. Кто знает, может быть, судьба посылает нам свое предупреждение, чтобы мы могли его учесть. Будто какой-то тайный код. Я всегда выдумываю новые приметы.

- Вот, например, - задумалась она на минутку, - если на нашем пути сначала встретится кондитерская, а не цветочный киоск, то нам повезет. Наблюдай за своей стороной улицы.

Цветочный киоск встретился раньше. Она печально проговорила:

- Судьбу не обманешь.

Экипаж тащился все тише и тише: мы бы быстрее добрались пешком. Я посмотрел на часы: у нас оставалось всего десять минут.

- Тебе сегодня, - сказал я, - нужно было бы принести в жертву цыпленка и посмотреть, какие беды спрятаны в его внутренностях.

- Хорошо тебе смеяться, - заметила она. - Возможно, наши гороскопы не совпадают.

- Ты же не собираешься отменить наш брак? Кто знает, может быть, сейчас мы встретим какого-нибудь косоглазого человека?

- А разве это плохая примета?

- Просто ужасная, - ответил я и попросил извозчика: - Пожалуйста, если можно, побыстрее.

- Ох, - произнесла она.

- Что случилось?

- Разве ты его не видел, когда он обернулся? Он же косоглазый.

- Но, Кэри, я ведь пошутил!

- Это неважно. Это как раз то, о чем я говорила: ты придумываешь код, а судьба его использует для предупреждения.

Я зло бросил:

- Какая разница! Мы все равно опаздываем.

- Опаздываем?! - она схватила меня за запястье и посмотрела на мои ручные часы. - Милый, нам нельзя опаздывать. Остановитесь. Давай рассчитаемся с ним.

- Мы ведь не можем взбежать на гору, - сказал я, но она уже выскочила из экипажа и начала сигналить каждому проезжавшему мимо автомобилю.

Родители семейств самодовольно усмехались ей. Дети прижимали носы к окнам автомобилей и строили ей рожицы.

- Это напрасная трата времени, - сказала она, - нам нужно бежать.

- Зачем вся эта суета? Наш брак, судя по всему, будет несчастлив - ты же разгадала все зловещие приметы, правда?

- Мне все равно, - ответила она. - Я считаю, что лучше быть несчастной с тобой, чем счастливой с кем-нибудь другим.

Вот так внезапно она всегда улаживала ссору, снимала плохое настроение - одним точным утверждением. Я схватил ее за руку, и мы побежали.

Но мы никогда не успели бы вовремя, если бы возле нас не остановился мебельный фургон. Разве кому-либо когда-нибудь приходилось приезжать на собственную свадьбу, сидя на старомодной бронзовой кровати?

У нас еще оставалось две минуты, когда водитель фургона помог нам высадиться на небольшой площади, которая, казалось, находилась на вершине мира. На юге, по моему, не было ничего выше до самых Атланских гор.

Высокие дома втыкались в глубокое темно-синее небо, как колючки кактусов, а узкая терракотовая улица внезапно обрывалась на краю высокой скалы. Из церкви напротив смотрела на нас Дева Мария в бледновато-голубом облачении, окутанная, будто шалью, летавшими вокруг нее ангелами. Было тепло и очень тихо. Казалось, на этой площади сошлись жизненные дороги.

На какой-то момент, помню, мы смутились и не решились сразу же войти в здание мэрии, потому что там не могло быть так же хорошо, как здесь, на площади. Так оно и получилось. Мы сели на деревянную скамейку, и вскоре к нам присоединилась еще одна пара - девушка в белом подвенечном платье и мужчина в черном костюме; я почувствовал себя неловко, потому что понял, что одет не так, как положено в таких торжественных случаях. Затем человек с высоким крахмальным воротничком долго ворчал насчет наших бумаг, и на мгновение нам показалось, что наш брак никогда не будет оформлен; потом поднялась суета: внезапно выяснилось, что у нас нет свидетелей.

Наконец пригласили двух хмурых клерков и ввели нас в большой зал, где ничего не было, кроме люстры и стола. Вывеска, висевшая над дверью,

возвещала: "Регистрация браков". Мэр - очень старый человек, по виду вылитый Клемансо, облаченный в мантию с сине-красной лентой через плечо, - терпеливо стоял и ждал, пока мужчина с воротничком зачитает наши фамилии и даты рождения. Затем мэр быстро отбарабанил что-то наподобие целого свода законов, которые мы должны соблюдать, - вероятно, это были статьи из "Кодекса Наполеона". После этого мэр произнес небольшую речь на очень плохом английском языке о нашем долге перед обществом и ответственности перед государством, наконец пожал мне руку, поцеловал Кэри в щечку и мы снова очутились на небольшой площади, где ожидала своей очереди следующая пара.

Торжественной церемонии не получилось - не хватало органа, как в церкви Святого Луки, и не было гостей.

- Я совсем не чувствую себя замужней, - сказала Кэри и тут же добавила: - Но мне даже приятно это.

- Па улицах и в барах, в автобусах и в магазинах мы встречаем так много лиц, которые напоминают нам о Первородном Грехе, и так мало тех, кто несет на себе неизменную печать Первородной Невинности... Такое лицо было у Кэри - она всю жизнь, до самой глубокой старости, будет смотреть на мир глазами ребенка. Ей никогда не бывало скучно: каждый день для нее был новым, даже печаль для нее была извечной, а каждая радость тем более существовала для нее извечно и навсегда. "Ужасно" было ее излюбленным словом, и в ее устах оно звучало не как обычное клише - на самом деле был ужас в ее наслаждениях, в ее страхах, в ее тревогах, в ее смехе - в ней всегда существовало ужасное удивление перед всем тем, что она видела как будто впервые. Большинство из нас выскивают во всем только сходство: каждая жизненная ситуация напоминает бывшую, с которой мы встретились ранее. Кэри во всем находила только особенное, как дегустатор вин, способный почувствовать самый неуловимый букет.

Мы возвратились в отель, но "Чайка" все еще не пришла, и Кэри встретила эту неприятность как нечто совершенно неожиданное, как будто узнала об этом впервые. Потом мы пошли в бар и немного выпили - пожалуй, это была наша первая совместная выпивка. Она с удовольствием пила джин с тоником "Д у бане", которые мне совсем не нравились.

- Яхта, видимо, придет только завтра, - сказал я.

- Милый, а у нас хватит денег оплатить счет за гостиницу?

- А-а! Сегодня еще как-нибудь перебьемся.

- Мы могли бы выиграть нужные нам деньги в казино.

- Вряд ли, потому что мы посещаем зал, где делаются небольшие ставки, а настоящего риска мы себе не можем позволить.

Кажется, в тот вечер мы проиграли около двух тысяч франков, а назавтра с утра до полудня напрасно вглядывались в гавань - "Чайки" там не было.

- Он забыл, - сказала Кэри. - Иначе прислал бы телеграмму.

Я знал, что она права, но не мог придумать, что же нам предпринять. А когда миновал еще один день, меня охватила полная растерянность.

- Милый, - предложила Кэри, - нам лучше пойти в казино, пока еще есть деньги.

Но втайне от нее я попросил счет (придумав причину: мы не можем позволить себе играть, не имея представления о своих возможностях) и уже знал, что живем мы в долг. Оставалось лишь ждать. Я послал телеграмму мисс Булен, и та ответила, что мистер Друтер сейчас в море и связаться с ним невозможно. Я рассказывал Кэри о телеграмме, когда старик со слуховым аппаратом занял кресло на верхней площадке лестницы, чтобы наблюдать за людьми, гулявшими под лучами солнца.

- Вы знакомы с Друтером? - спросил он внезапно у меня.

- Да, мистер Друтер - мой шеф, - ответил я.

- Это вы так думаете, что он - ваш шеф, - бросил тот резко. - Вы работаете в "Ситре", не так ли?

- Да.

- В таком случае я - ваш шеф, молодой человек. Особенно не рассчитывайте на Друтера.

- Вы - мистер Боулз?

- Конечно, я - мистер Боулз. Пойдите и приведите мою сиделку. Уже пора идти в казино.

Когда мы остались одни, Кэри спросила:

- Кто этот ужасный старик? Он действительно твой хозяин?

- В некотором роде, да. В своей фирме мы называем его А. Н. Второй. Ему принадлежит небольшая часть акций "Ситры" - очень незначительная часть, но она позволяет ему поддерживать равновесие между Друтером и Бликсоном. Пока что он поддерживает Друтера, поэтому Бликсон ничего не может предпринять, но если Бликсону посчастливится выкупить эти акции, мне будет очень жаль Гома... Но это так, между прочим, - добавил я. - Теперь уже ничто не заставит меня жалеть его.

- У него просто плохая память, милый.

- Такая забывчивость бывает только тогда, когда тебе совершенно до лампочки другие люди. Никто из нас не имеет права забывать ни о ком. Кроме себя самого. Себя Гом никогда не забудет. Да! Черт с ним! Пойдем в казино.

- Мы не можем позволить себе этого.

- Мы с тобой сейчас в таких долгах, что нам уже все равно.

В тот вечер мы не делали ставок: просто стояли и наблюдали за постоянными посетителями. Молодой человек снова был тут. Я видел, как он обменял тысячу франков на стофранковые фишки и вскоре, когда просадил их, вышел. Сегодня он не позволил себе ни кофе, ни булочек. Кэри заметила:

- Как ты думаешь, он ляжет спать голодным?

- Это ждет и нас с тобой, - ответил я, - если не придет "Чайка".

Я наблюдал, как постоянные посетители играют по своим схемам, понемногу проигрывая, понемногу выигрывая, и подумал: "Странно, как же они поддерживают в себе веру, что когда-нибудь им удастся снять банк?" Они походили на теологов, которые терпеливо стараются постичь разумом религиозное таинство. По-моему, в жизни каждого из нас настает момент, когда мы задумываемся: представь себе, в конце концов, что существует Бог, что теологи правы.

Паскаль был заядлым картежником, который поставил все свои деньги на религиозную систему. Я считал себя наилучшим математиком из всех посетителей казино, поэтому не верил в их таинство, но если все-таки это таинство существует, я способен разгадать его быстрее их всех. В мыслях я повторял, как молитву: "Это не ради денег - мне не нужно богатства - только несколько дней с Кэри, без никаких забот".

Из всех систем, какими пользовались в этом казино, успех приносила лишь одна, и она не зависела от так называемой теории вероятностей. Около наиболее занятых столов слонялась пожилая женщина с огромным птичьим гнездом накрашенных волос и с двумя золотыми зубами. Если кому-нибудь доставался крупный выигрыш, она подходила к этому человеку и - пока крупье смотрел в другую сторону - трогала его за локоть, довольно нахально выпрашивая двухсотфранковую фишку. Получив фишку, она обычно разменивала ее на две стофранковых, одну опускала в карман, а другую ставила на кон. Она не могла проиграть свои сотни, а однажды поставила и выиграла три тысячи пятисот франков. Почти каждый вечер она добавляла по тысяче франков к тем, что находились уже в ее кармане.

- Ты заметил ее? - спросила Кэри, когда мы пошли в бар выпить кофе - мы уже не пили джин с "Дубане". - Почему бы и мне не заняться тем же?

- Ну, до этого мы еще не докатились.

- Я приняла твердое решение, - сказала Кэри. - Мы больше не будем есть в отеле.

- Будем голодать?

- Нет, мы будем пить кофе с булочками в кафе или лучше, может быть, молоко - оно калорийнее.

Я грустно заметил:

- Не о таком медовом месяце я мечтал. В Борнмуте нам было бы гораздо лучше.

- Не горюй, милый. Все будет хорошо, когда придет "Чайка".

- Я уже не верю в эту "Чайку".

- В таком случае что же мы будем делать через две недели?

- По-моему, сядем в тюрьму. Возможно, тюрьму опекает казино, и на прогулку нас будут водить вокруг рулетки.

- Разве ты не можешь занять денег у Второго?

- У Боулза? Он никогда в жизни не займет денег без залога. Он безжалостнее, чем Друтер и Бликсон вместе взятые, - иначе бы они давно уже заполучили его акции.

- Неужели нет никакого выхода, милый?

- Мадам, выход есть.

Я поднял взгляд от холодного кофе и увидел мужчину небольшого роста в потертом, но франтоватом костюме и таких же туфлях. Его нос казался непомерно большим для его лица, жизненные невзгоды вздули его вены и затуманили глаза. Под мышкой он элегантно держал тросточку для прогулок, в ней отсутствовал металлический наконечник, но зато имелся набалдашник в виде утиной головы. Он обратился к нам с небрежной вежливостью.

- Извините мою непростительную назойливость, но, кажется, вам не посчастливилось за игральным столом, а у меня есть благая весть для вас, месье и мадам.

- Но, - начала было Кэри, - мы уже собираемся...

- Я посоветовал бы вам немного задержаться, ибо я обладаю беспроегршной системой. И готов уступить ее вам почти задаром - за какие-нибудь десять тысяч франков.

- Для нас это очень большие деньги, - ответил я. - У нас сейчас таких нет.

- Но ведь вы остановились в "Отель де Пари". Я вас там видел.

- Мы имеем в виду наличные деньги, - быстро уточнила Кэри. - Вы ведь знаете, как это бывает с англичанами.

- Тысяча франков.

- Нет, - сказала Кэри. - Извините.

- Знаете, что мне пришло в голову, - предложил я. - За вашу систему я лучше угощу вас хорошей выпивкой.

- Виски, - заказал он без колебаний.

Я слишком поздно спохватился, что порция виски стоит пятьсот франков. Он устроился за нашим столиком, поставив свою тросточку между коленями так, будто утка была готова разделить с ним выпивку. Я сказал:

- Согласен. Слушаю вас. Выкладывайте.

- Слишком мало виски.

- Больше не будет.

- Все очень просто, - сказал человек, - как и все выдающиеся открытия в математике. Вы сперва делаете ставку на одну цифру, а когда она выигрывает, вы ставите весь выигрыш на определенное сочетание из шести цифр. Для единицы такое сочетание - от 31 до 36, для двойки - от 13 до 18, для тройки...

- Почему?

- Вы должны верить мне на слово. За много лет я выучил тут все досконально. Я продам вам таблицу всех цифр, которые выигрывали с июня прошлого года, за пятьсот франков.

- А если, скажем, цифра не выигрывает?

- Переждите немного и начните играть по системе только тогда, когда выпадет нужная цифра.

- На это могут уйти годы.

Человек поднялся, поклонился и ответил:

- Для этого нужен капитал. Мой капитал был недостаточным. Если бы вместо пяти миллионов у меня было десять, я бы не продавал свою систему за порцию виги.

Он отошел с чувством собственного достоинства, тип сточка без наконечника постукивала по полированному полу, а утка оглядывалась на нас, будто хотела остаться.

- Это попрошайничество. Мне не хотелось бы, чтобы моя жена была нищенкой.

- Я всего лишь твоя новая жена. И не считаю это нищенством - это же не деньги, а всего лишь жетоны.

- Знаешь, все-таки что-то есть в том, что рассказал этот человек. Все дело в том, чтобы уменьшить вероятность проигрыша и увеличить возможность выигрыша.

- Может быть, все это и так, милый, но моя система позволяет мне совсем ничего не проигрывать.

Она отсутствовала с полчаса, а потом вернулась почти бегом:

- Милый, брось рисовать свои крючки. Я хочу домой.

- Это совсем не крючки. Я разрабатываю одну идею.

- Пожалуйста, пойдём побыстрее, а то я заплачу.

Когда мы оказались на улице, она потащила меня через парк, между пальм и клумб, выглядевших в лучах прожекторов, как конфетки. Она сказала:

- Милый, меня постигла ужасная неудача.

- Что случилось?

- Я все делала так, как та женщина. Я дождалась, пока кто-то выиграл много денег, потом тронула его за локоть и попросила: "Дайте". Но он мне ничего не дал, а сказал довольно жестоко: "Иди домой, к своей матери", а крупье это заметил. Поэтому я перешла к другому столу. А там какой-то мужчина сказал мне просто: "Попозже. Попозже. На террасе". Милый, он принял меня за проститутку. А когда я сделала третью попытку... О, это было ужасно! Один из тех служителей, которые дают прикурить сигареты посетителям, тронул меня за руку и сказал: "Достаточно вы уже тут поболтались, мадемуазель!" Больше всего меня оскорбило то, что он назвал меня "мадемуазель". Я хотела швырнуть ему в лицо свидетельство о браке, но я оставила его в ванной в отеле.

- В ванной?

- Да, в пакетике для губки, - не знаю почему, но я никогда не теряю этого пакетика - он хранится у меня годами. Но не поэтому мне хочется плакать. Милый, давай присядем вот тут, на этой скамейке. Не могу плакать на ходу...

- Боже мой! - сказал я. - Если это не самое худшее, то что же в таком случае произошло? Ты понимаешь, что нам никогда больше не разрешат заходить в казино - как раз в тот момент, когда я начал разрабатывать систему, настоящую систему, которая принесет нам богатство.

- О, так далеко еще не зашло. Служитель подмигнул мне возле двери очень дружелюбно. Я уверена, что он ничего не имеет против того, чтобы я вернулась туда, - но я никогда больше туда не пойду, никогда в жизни.

- Почему?!

- Тот приятный молодой человек видел все.

- Какой молодой человек?

- Тот самый голодный молодой человек. И когда я вышла в вестибюль, он пошел за мной и сказал так деликатно: "Мадам, у меня осталась одна-единственная стофранковая фишка, но она ваша".

- Ты, конечно же, отказалась взять ее?

- Я хотела отказаться, но не смогла. Он был такой предупредительный: ушел, прежде чем я успела поблагодарить его. Я разменяла эту фишку и бросила монеты в игровой автомат при входе. Прости меня, что я так распустила нюни, но я просто не могу удержаться. Он был такой вежливый и деликатный и, наверное, ужасно голодный, и ему самому нужны были те деньги, но он все-таки отдал мне последнюю сотню франков. Когда я выиграла пятьсот франков, то бросилась искать его, чтобы отдать ему половину выигрыша, но его нигде уже не было.

- Ты выиграла пятьсот франков? Этого как раз хватит нам завтра на кофе и булочки.

- Милый, какой же ты корыстолюбивый! Разве ты не понимаешь, что теперь он навсегда будет считать меня такой же гарпией, как то Птичье Гнездо, что мы видели тут, в казино?

- Я думаю, он просто клеился к тебе.

- Ты просто сексуальный маньяк! Ничего подобного у него даже в мыслях не было. Он слишком голоден, чтобы заниматься такими вещами.

- Говорят же, что голод обостряет похотливость.

Чтобы поддержать свою репутацию, мы по-прежнему завтракали в отеле, но чувствовали себя неловко даже перед лифтером. Мне никогда особенно не нравились ливреи: они всегда напоминали мне, что в мире есть те, кто командует, и те, кем командуют, а теперь я был уверен, что каждый одетый в форменную одежду знает, что мы не в состоянии оплатить счет в отеле. Теперь мы всегда носили ключи с собой, чтобы лишний раз не обращаться к портю, а поскольку по приезде мы обменяли наши чеки на аккредитивы, нам не нужно было уже иметь дело с кассиром отеля. Кэри обнаружила на нижней площадке лестницы забегаловку, которая величалась "Такси-бар", и здесь мы обычно съедали ленч и обедали. Прошли годы, пока мне снова захотелось съесть булочку, но даже теперь я всегда предпочитаю пить чай, а не кофе. Как-то раз, когда мы съели свой обычный ленч и вышли из бара, нам повстречался помощник бухгалтера из отеля, который случайно проходил в это время по улице. Он поздоровался и пошел дальше своей дорогой, но я знал, что наш час пробил.

Потом мы сидели в парке под лучами солнца, и я потел над своей системой, остро чувствуя, что время требует решительных действий.

- Дай мне тысячу франков, - попросил я у Кэри. - Мне нужно проверить свою

систему на деле.

- Милый, - ответила она, - разве ты не знаешь, что у нас осталось только пять тысяч франков? Вскоре у нас не будет денег даже на булочки.

- И слава Богу, потому что они мне уже осточертели.

- Тогда давай перейдем на мороженое. Оно стоит столько же. И, заметь, мы сможем внести даже некоторое изменение в нашу однообразную диету, милый. Мороженое с кофе на ленч, мороженое с клубникой на обед. Милый, мне так хочется пообедать!

- Если я успею закончить разработку моей системы, мы будем есть бифштексы...

Я взял тысячу франков и пошел в казино. С бумагой в руке я внимательно наблюдал за столом четверть часа, перед тем как сделать первую ставку, а потом спокойно и последовательно начал проигрывать, и когда у меня не остались уже ни одной фишки, мои цифры пошли в соответствующей последовательности.

Я вернулся к Кэри и сказал:

- Тот дьявол был прав. Все дело в капитале.

Она печально заметила:

- Ты становишься похожим на всех других игроков.

- Что ты имеешь в виду?

- Ты все время думаешь о цифрах, они появляются перед тобой даже во сне: ты проснулся сегодня среди ночи и вскрикнул: "Двойной ноль!" Ты все время что-то записываешь на клочках бумаги за обедом.

- И ты называешь это обедом?

- У меня в сумочке осталось четыре тысячи франков, и нужно, чтобы их хватило до прихода "Чайки". Больше мы в казино ходить не будем. Я больше в твою систему не верю. Ты ведь сам говорил неделю назад, что побить банк невозможно.

- Но тогда я еще не разработал своей системы...

- Теперь ты начинаешь говорить словами того дьявола. Наступит время - и очень скоро, когда ты начнешь продавать свою систему за рюмку виски.

Она встала и пошла в отель, но я не сдвинулся с места. Я подумал, что жена должна верить в своего мужа до последнего, а со времени нашей женитьбы не прошло еще и недели. Однако после небольшого раздумья я начал понимать ее. В последние несколько дней я был для нее не слишком хорошим спутником. Да и что это была за жизнь? Боишься встретиться со швейцаром. Его-то я и встретил, входя в отель.

Он остановил меня и сообщил:

- Привет вам от директора, сэр. Сможете ли вы уделить ему несколько минут? Он ждет вас в своем кабинете.

Я подумал: "Во всем виноват Гом - этот эгоистический выродок. Нет, они не посмеют посадить в тюрьму Кэри - посадят только меня. Но ведь это Гом, этот самолюбивый сукин сын с восьмого этажа, это он осудил нас на мучения, ибо считает себя слишком великим, чтобы помнить о своих обещаниях. Он создал свет, а потом отправился отдохнуть на седьмой день, и плевать он хотел на свои создания, осужденные на гибель. Попался бы он мне теперь хоть на мгновение под горячую руку!"

- Садитесь, мистер Бертрам, - предложил мне хозяин отеля. Он придвинул ко мне пачку сигарет. - Курите?

У него была вежливость человека, загубившего уже на своем веку не одного мученика.

- Спасибо, - ответил я.

- Погода не такая хорошая, как можно было ждать в эту пору года.

- Но уж лучше, чем в Англии.

- Надеюсь, вам у нас нравится?

Это, на мой взгляд, была обычная вступительная фраза - чтобы только показать: лично против меня он ничего не имеет, но, знаете, неприятная обязанность... Скорее бы уж он переходил к делу.

- Очень нравится, спасибо.

- И ваша жена всем довольна?

- О, да, да!

Он выдержал паузу, и я подумал: вот сейчас он начнет...

- Кстати, мистер Бертрам, - сказал он, - вы, по-моему, тут в первый раз?

- Да.

- Мы очень высокого мнения о нашей кухне. Считаю, что вряд ли найдете лучше во всей Европе.

- Безусловно, вы правы.

- Не хочу надоедать вам, мистер Бертрам, ради Бога, простите меня великодушно, если что-нибудь не так, но мы заметили, что вам не совсем нравится наш ресторан, а мы очень заинтересованы в том, чтобы вы и ваша жена чувствовали себя счастливыми здесь, в Монте-Карло. Вас что-нибудь тут не удовлетворяет: сервис, кухня, вино?..

- О, нет. У меня нет жалоб. Абсолютно никаких жалоб.

- Не думаю, чтобы они у вас были, мистер Бертрам, я уверен в нашем сервисе. Я пришел к выводу - простите уж мне мою бестактность...

- Не волнуйтесь. Я слушаю.

- Мне известно, что наши клиенты из Англии часто испытывают определенные трудности с деньгами. Небольшая неудача за игральным столом в наши дни кого угодно может легко выбить из привычной колеи.

- Думаю, вы недалеко от истины.

- Поэтому я пришел к выводу, мистер Бертрам, что, возможно, как бы это выразиться... Вы, как это часто случается, немного... вы, простите меня... ограничены в средствах?

У меня пересохло в горле - наконец мгновение, которого я ожидал с отчаянием, наступило. Смелые и искренние слова, нужные для такого случая, сразу не нашлись.

- Ну? И что? - спросил я.

На стене висел портрет князя Монако, а на столе стоял огромный письменный прибор. В напряженной тишине я услышал гроыхание поезда...

Хозяин отеля между тем продолжал:

- Поймите, администрация как казино, так и нашего отеля очень заинтересована - действительно, очень заинтересована, - поймите, у нас здесь очень специфическое положение, мистер Бертрам... Мы, кстати, - усмехнулся он, глядя на кончики своих пальцев, - не совсем обычные сотрудники отелей. Мы принимаем здесь клиентов, о которых заботимся и которых любим... ну, скажем, на протяжении тридцати лет, - медленно произносил он каждое слово. - Нам доставляет удовольствие считать их своими друзьями. Вы, вероятно, знаете, здесь, в нашем княжестве, существует давняя традиция... ну, как бы это выразиться поточнее... предупредительности и деликатности, мистер Бертрам. Мы не выдаем фамилии наших гостей. Мы сохраняем уйму других, более деликатных секретов.

Больше я не мог выносить пустозвонства этого человека. Его поведение по отношению ко мне походило уже на китайскую пытку водой, когда на голову жертвы, закрепленную железным обручем, падают в одно и то же место капли воды, замучивая человека насмерть. Я прямо выпалил:

- Мы доведены до крайней степени нищеты - вот вам весь наш конфиденциальный секрет.

Хозяин отеля снова усмехнулся, глядя на свои ногти:

- Об этом я уже догадался, мистер Бертрам, и поэтому, надеюсь, вы примете небольшой заем. Как друг мистера Друтера. Мистер Друтер - наш постоянный клиент, и нам было бы очень неприятно, если бы его друг чувствовал себя неуютно в нашем отеле.

Он поднялся, поклонился и протянул мне конверт. Я чувствовал себя школьником, получившим за хорошее поведение вознаграждение из рук самого епископа. Затем он проводил меня до двери и тихо, доверительно посоветовал:

- Попробуйте нашего вина "Шато Груад Ляроз" 1934 года - не пожалеете.

В номере я распечатал конверт и пересчитал купюры.

- Он занял нам двести пятьдесят тысяч франков.

- Это просто грандиозно!

- Вот что значит быть другом Гома. Жаль, но мне начинает нравиться этот сукин сын.

- А как же мы сможем вернуть ему эти деньги?

- А это уже заботы Гома: мы ведь из-за него задержались здесь.

- Мы будем их расходовать очень осторожно и осмотрительно, правда, милый?

- Нет уж, хватит с меня этого кофе с булочками! Сегодня мы устроим праздник: отметим наконец по-настоящему нашу свадьбу!

Меня не прельщало вино "Груад Ляроз" 1934 года. Я нанял автомобиль, и мы поехали в небольшую горную деревеньку. Вдоль дороги тянулись серые скалы и

желтый можжевельник, отливающий золотыми бликами в лучах заходящего солнца. Оно медленно опускалось между холодными плечами холмов, среди которых задерживались тени. На улицах бродили мулы, и автомобиль был слишком большим, чтобы проехать до гостиницы. В сельской гостинице стоял один-единственный огромный стол, приблизительно на пятьдесят персон. Мы в одиночестве сидели за ним и наблюдали, как постепенно наступает вечерняя мгла. Нам подали местное красное вино – не очень высокого качества – и жирных поджаренных голубей, и фрукты, и сыр. В соседней комнате царил веселье, местные крестьяне потягивали самодельное вино. Вскоре мы уже чуть различали в ночных сумерках огромный горный хребет.

– Тебе тут приятно? – спросил я.

– Очень, – ответила Кэри.

Немного спустя она сказала:

– Мне так не хочется возвращаться в Монте-Карло. Давай отправим назад автомобиль, а сами останемся здесь. Сегодня мы обойдемся без зубных щеток, а завтра походим по здешним магазинам.

Последние слова она произнесла с особенной интонацией, как будто мы остановились в роскошном отеле, а шикарная улица Рю-де-ля-Пэ находилась сразу же за углом.

– Зубную щетку мы купим у Картье, – предложил я.

– А потом сходим в "Ланвин" и возьмем там две пижамы самого высокого качества, – подхватила она предложенную мной игру.

– Мыло мы найдем у Герлена.

– И еще дюжину батистовых платочков – на Рю-де-Ривали.

Наконец она исчерпала свою фантазию:

– Больше я ничего не могу придумать, а ты? Ты ходил по этим магазинам со своей Грязнулей?

Грязнуля – кличка, которую Кэри придумала для моей первой жены: она была темноволосая, полная и сексуальная, с глазами пекинского мопсика.

– Никогда, – уверил ее я.

– Мне нравится бывать там, где еще никто не наследил.

Я глянул на наручные часы. Они показывали десять. Еще полчаса езды на автомобиле.

– Пожалуй, нам пора возвращаться, – предложил я.

– Но ведь еще совсем не поздно.

– Понимаешь, сегодня я хочу по-настоящему испытать свою систему. Если я буду делать ставки двухсотфранковыми фишками, то смогу выиграть значительную сумму.

– Ты собираешься в казино?

– Конечно.

– Но это ведь похоже на воровство.

– С какой стати? Он занял нам деньги, чтобы мы наслаждались, получали удовольствие от жизни.

– Половина этих денег принадлежит мне. Ты не имеешь права рисковать моей долей.

– Дорогая, будь умницей. Мне нужны все деньги. Система требует капитала. Если я выиграю, ты получишь назад свою половину, и еще с процентами. Мы оплатим все счета и, если тебе захочется, снова приедем сюда и проведем в этой тихой горной деревушке остаток нашего свадебного путешествия.

– Ты никогда не выиграешь. Чем ты лучше остальных посетителей казино?

– В отличие от них я неплохой математик.

Бородатый старик провел нас темными улочками до автомобиля. Кэри шла молчаливая и задумчивая, даже не позволила мне взять ее под руку. Я обиделся:

– Все-таки это ведь наша праздничная ночь, милая. Отчего ты злишься?

– Разве я сказала тебе что-нибудь обидное или злое?

Как все-таки они умеют обезоруживать нас, мужчин, своим молчанием: молчание нельзя повторить, на него нельзя ответить, как это можно сделать со словом. В молчании мы ехали назад. Когда проезжали через Монако, весь город – и музеи, и казино, и собор, и дворец – был залит светом, а со скалы пускали в небо фейерверк. Это был последний вечер недели фейерверков. Я вспомнил наш первый день здесь и нашу ссору, и те три балкона.

– Мы с тобой еще никогда не бывали в зале для избранных, – сказал я. – Давай сходим туда сегодня.

- Почему обязательно сегодня? - поинтересовалась она.
- "Муж должен защищать жену, жена должна слушаться своего мужа".
- Что это ты там бормочешь?
- Ты же сама подтвердила мэру, что согласна с этим. И еще с одним пунктом ты согласилась: "Супруга обязана жить со своим мужем и следовать за ним повсюду". Ну так вот: сегодня мы обязаны пойти в зал для избранных.
- А я никак не могла уловить, что это он там бормочет.
Самое плохое всегда позади, когда она снисходит и начинает спорить.
- Пойдем со мной, родная, и ты убедишься, как моя система выигрывает.
- Я увижу только то, что она проигрывает, - возразила она, произнося каждое слово намеренно четко и выразительно.

Точно в пол-одиннадцатого я начал игру и проиграл. Проигрывал я непрерывно. Сменить стол было невозможно, так как это был единственный стол, за которым можно было ставить минимальные ставки в двести франков. Когда я проиграл половину директорских денег, Кэри попросила меня оставить игру, но я продолжал верить в свою систему и твердо знал, что обязательно придет время, когда фортуна повернется ко мне лицом и мои расчеты окажутся правильными.

- Сколько у тебя осталось денег?

- Вот тут все, - показал я пять двухсотфранковых фишек. Она встала из-за стола и ушла. Мне кажется, она плакала, но я не мог пойти за ней, не потеряв места за столом.

По дороге в отель я плакал - бывают моменты в жизни, когда мужчина имеет право плакать, не стыдясь слез. Кэри еще не спала. По тому, во что она была одета на ночь, можно было судить, как холодно она встретила меня: она никогда не надевала нижней части пижамы - только в том случае, если хотела продемонстрировать свое возмущение или равнодушие. Но когда Кэри увидела, что я присел на край постели, содрогаясь от тщетного старания сдержать слезы, она сразу же подобрела:

- Родной мой, не принимай так близко к сердцу свой проигрыш. Как-нибудь обойдемся.

Она вскочила с кровати и обняла меня.

- Милый, - попросила она прощения, - я так плохо вела себя. Такое может случиться со всяким: не ты один проигрываешь. Увидишь: все уладится. Больше мы не будем есть булочки с кофе, перейдем на мороженое. Уверена, "Чайка" скоро придет, обязательно придет. Рано или поздно.

- Теперь мне уже все равно: пусть она вообще не приходит, - ответил я.

- Успокойся, милый. Такое может случиться со всяким. Подумаешь, беда какая - проиграл.

- Но я не проиграл, - сказал я. - Я выиграл.

Она убрала руки с моих плеч:

- Выиграл?!

- Я выиграл пять миллионов франков.

- В таком случае чего же ты плачешь?

- Я не плачу, я радуюсь. Мы ведь теперь богачи.

- Ох, ну и свинья же ты, - отрезала она, - а я еще тебя жалела.

И она снова нырнула в постель, накрывшись с головой одеялом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

К деньгам привыкнуть гораздо легче, чем к нищете, хоть Руссо и утверждал, что человек рождается богатым, а со временем делается все беднее и беднее. Мне доставляло удовольствие рассчитывать с директором отеля и оставлять ключи у портье. Я часто нажимал звонки в номере просто ради удовольствия встретиться с человеком в ливрее, не стыдясь его. Я заставил Кэри пойти в фешенебельный салон Элизабет Ардэн и заказал в ресторане бутылку "Груад Ляроз" 1934 года (и даже позволил себе отправить его назад, так как вино, на мой взгляд, оказалось слишком теплым). Я переехал в номер "люкс" и нанял автомобиль для поездок на пляж. На побережье я нанял бунгало - одноэтажную дачку с верандой, где мы могли спокойно загорать, огражденные от посторонних глаз кустами и цветами. Цельми днями, пока Кэри читала, я работал под палящим солнцем, совершенствуя свою систему.

Я понял, что, как на фондовой бирже, деньги рожают деньги. Теперь я уже

использовал фишки стоимостью в десять тысяч франков вместо двухсотфранковых и в конце каждого дня неизменно богател на несколько миллионов. Вскоре известие о моих успехах широко разнеслось: случайные игроки обычно ставили на те же номера, на которые ставил я, но, в отличие от меня, они не подстраховывали себя другими ставками и поэтому редко выигрывали. Я заметил странную черту характера у людей: хотя моя система приносила успех, а их системы нет, ветераны никогда не теряли веры в свои подсчеты, ни один из них не отказался от своих тщательно разработанных замысловатых схем, которые приводили только к проигрышу, вместо того чтобы следовать моему методу, неизменно приносившему выигрыш. На следующий день, когда я заработал себе уже десять миллионов, я услышал случайно, как одна старая леди со злостью прошипела: "Везет же дуракам!" – словно моя удача мешала колесу рулетки крутиться согласно ее расчетам.

Начиная с третьего дня я проводил в казино значительно больше времени – утром часа три играл на "кухне", после обеда занимался тем же самым, а вечерами, устроившись для более серьезной работы в зале для избранных, заканчивал свой трудовой день. Кэри пошла было со мной на второй день – я дал ей несколько тысяч франков – и, конечно же, просадила их. Но на следующий день я решил, что ее присутствие мешает мне: я дважды совершал досадные промахи в подсчетах.

– Я тебя очень люблю, дорогая, – заверил я Кэри. – Но работа есть работа. Пойди лучше позагорай на пляже, мы встретимся там после обеда.

– Почему же это называют игрой? – осведомилась она.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Что это никакая не игра. Ты же сам сказал, что это работа. Ты начал жить по жесткому расписанию. Завтрак в девять тридцать, не позже, – чтобы успеть первым захватить лучший столик. А какую уйму денег ты сейчас зарабатываешь! Когда же ты собираешься уйти на пенсию?

– На какую пенсию?

– Милый, ты не должен бояться пенсии. Мы будем чаще видеть друг друга и сможем установить рулетку в твоем кабинете. Это будет очень удобно: тебе даже не придется выходить из дома в любую погоду.

В тот день, еще до обеда, я довел свой выигрыш до пятнадцати миллионов франков и решил, что такое событие стоит отметить. Я действительно был немного виноват перед Кэри, чувствовал свою вину и решил, что мы с ней хорошенько пообедаем, а вместо казино сходим на балет. Я сказал об этом Кэри, и, казалось, она была довольна.

– Утомленный бизнесмен решил отдохнуть, – подытожила она.

– По правде сказать, я действительно немного устал.

Тот, кто не играл в рулетку серьезно, вряд ли поймет, как может она надоесть. Если бы я менее напряженно работал за зеленым столом до обеда, то не затеял бы ссору с официантом в баре. Я заказал два сухих мартини, а он подал их разбавленными вермутом. Я определил это по цвету, даже не попробовав на вкус. Официант усугубил свою вину тем, что начал было объяснять необычный цвет коктейля тем, что, мол, туда долили джина "Бутс".

– Но вы ведь хорошо должны знать, что я пью только "Гордене", – отрезал я и заставил его унести заказ назад.

Он снова принес два мартини и положил в них лимонные дольки. Я взорвался:

– Черт возьми! Сколько же раз нужно сходить в ваш бар, чтобы вы наконец-то изучили вкусы своих постоянных клиентов?

– Прошу прощения, сэр. Я работаю здесь только второй день.

Я заметил, как сжались губы у Кэри. Конечно же, я был не прав, но я слишком много времени провел в казино, я, наконец, устал, нервы у меня начали сдавать, и она могла бы уже понять, что я не из тех людей, которые позволяют себе грубить официантам.

– Кто бы мог подумать, – заметила она, – что еще неделю назад мы не позволяли себе сказать официанту лишнего слова, когда он приносил нам счет!

Когда мы пришли обедать, возникла небольшая задержка с нашим столом на террасе: мы пришли раньше, чем обычно, но, как я объяснил Кэри, мы – постоянные клиенты, и можно было бы проявить к нам хоть немного внимания, чтобы мы были довольны. Но на этот раз я сдержался и не дал воли своему гневу...

Обычно Кэри предпочитала, чтобы я сам делал заказ, поэтому я спокойно взял меню и начал заказывать обед.

- Икра, - сказал я.
- Одна порция, - уточнила Кэри.
- А тебе что взять? Может, копченую семгу?
- Заказывай только себе, - отрезала Кэри.

Я заказал мясо, поджаренное в эстрагоне, сыр "Рокфор" и землянику. На этот раз пришло время и для бутылки "Груад Ляроз" 1934 года (мой урок насчет температуры вина, видно, дал свои плоды). Я откинулся в кресле, чувствуя себя довольным и спокойным: моя ссора с официантом уже была забыта, и я знал, что вел себя теперь за столом подчеркнуто вежливо и скромно, - пока не принесли мой заказ.

- А мадам? - поинтересовался официант.
- Булочка с маслом и чашечка кофе, - попросила Кэри.
- Но, возможно, мадам захочет...

Она одарила его обаятельнейшей улыбкой, будто хотела загладить мою прошлую грубость.

- Только булочка с маслом, пожалуйста, - повторила она. - Я не голодна. Просто чтобы поддержать компанию.

- Я со злостью сказал:
- В таком случае я отказываюсь...

Но официант уже отошел от стола.

- Зачем ты это сделала?
- А что случилось, милый?
- Ты все прекрасно понимаешь. Ты позволила мне заказать...

- Но, право же, милый, я совсем не хочу есть. Мне просто захотелось сделать ему приятное, вот и все. Я сегодня немного сентиментальная. Булочка с маслом напоминает мне о тех днях, когда мы не были богатыми. Разве ты не помнишь то маленькое кафе на нижней площадке лестницы?

- Ты издеваешься надо мной?
- Нисколько, милый. Разве тебе неприятно вспоминать о тех днях?

- Те дни, те дни... Почему же ты не вспоминаешь последнюю неделю, о том, как ты боялась послать кого-нибудь в прачечную, как мы не могли даже купить английскую газету - ты ведь не читаешь по-французски...

- А разве ты не помнишь, какой ты был беззаботный, когда отдал те пять франков нищему? Кстати, это напомнило мне...

- О чем?
- Я что-то нигде не вижу того голодного молодого человека.
- По-моему, наш пляж он не посещает.

Мне принесли икру и водку. Официант спросил:

- Может быть, мадам угодно, чтобы я принес ей кофе сразу же?

- Нет, не нужно. Спасибо. Я хотела бы потихоньку пить свой кофе, пока месье будет есть...

- Мясо в эстрагоне, мадам.

Никогда еще икра не казалась мне невкусной. Кэри внимательно следила за каждым моим движением. Наклонившись вперед, она оперлась подбородком о руку, что, по ее мнению, должно быть, означало, какая она верная и преданная жена. Поджаренный хлеб нахально хрустел в тишине, но я решил, что не уступлю. И следующее блюдо я съел методично до самого конца, сделав вид, что не обращаю внимания на то, как она с трудом глотает сухую булочку. Кэри, вероятно, также не получала никакого наслаждения от еды.

- Принесите еще чашечку кофе, - сказала она официанту, - чтобы я смогла составить компанию мужу, пока он будет есть землянику. Может быть, ты закажешь себе еще полбутылочки шампанского, милый?

- Нет. Если я еще хоть немного выпью, то потеряю над собой контроль.

- Милый, может, я что-то не так сказала? Может, ты не хочешь, чтобы я напоминала о тех днях, когда мы с тобой были бедные и счастливые? В конце концов, если бы я выходила за тебя замуж теперь, то можно было бы подумать, что я зарюсь на твои деньги. Знаешь, ты был таким щедрым, когда дал мне пятьсот франков на рулетку, помнишь? Ты так серьезно наблюдал, как крутится колесо рулетки...

- А разве теперь я не серьезный?

- Теперь ты не наблюдаешь за тем, как крутится колесо рулетки. Ты уткнулся в свои бумаги и подсчеты. Милый, мы ведь теперь отдыхаем!

- Мы бы отдыхали как следует, если бы приехал Друтер.

- Мы же можем и теперь пойти куда хотим. Давай обсудим наши планы - может

быть, сходим куда-нибудь.

- Только не завтра. Понимаешь, согласно моим подсчетам завтра цикл моих проигрышей должен достигнуть апогея. Конечно, чтобы уменьшить потери, я буду делать ставки только по тысяче франков.

- Тогда послезавтра...

- Именно послезавтра я собираюсь отыграть свой предыдущий проигрыш вдвое. Если ты уже выпила кофе, пора собираться на балет.

- Что-то голова разболелась, не хочется никуда идти.

- Еще бы ей не разболеться, если, кроме булочек, ты ничего не ела.

- Помнишь, как я днями ела одни булочки, но голова у меня тогда не болела.

Она поднялась из-за стола и подчеркнуто медленно сказала:

- Потому что тогда я была в тебя влюблена.

Я отказался от дальнейшего спора и отправился на балет один.

Я не могу теперь припомнить, какой был тогда спектакль. В тот вечер моя голова была занята совсем другим. Я должен был завтра проиграть, чтобы на следующий день выиграть, иначе моя система потерпит крах. Весь этот прекрасно разработанный план игры оказался бы всего лишь рядом случайных удач, который, согласно теории вероятностей, выпадает только раз на тысячу столетий, - это то же самое, что посадить за пишущие машинки тысячу трудолюбивых обезьян и ждать, когда эти обезьяны случайно, на протяжении столетий, напечатают в конце концов произведения Шекспира. В тот вечер балерина казалась мне одновременно и женщиной, и шариком, прыгающим по колесу рулетки: когда она сделала последнее на и вышла на поклон на фоне занавеса, мне показалось, она вышла, чтобы победно остановиться на "нуле", крупье стреб все фишки лопаткой за кулисы, а в зале остались двухсотфранковые - за дешевые места и более крупные фишки - за места в партере - они все смешались в одну кучу.

Я вышел на террасу, чтобы остудить голову. Именно тут мы стояли в первую ночь, выскивая глазами "Чайку". Мне стало жаль, что Кэри нет рядом, и я чуть было не пошел в отель, чтобы согласиться со всем, что она мне сказала. Она была права: система или шанс - какая, в конце концов, разница? Мы могли бы сесть в самолет, продолжить наш отпуск: у меня теперь хватало денег, чтобы стать компаньоном в небольшой фирме без стеклянных стен и современной скульптуры и без Гома на восьмом этаже... Но как я мог отказаться от посещения казино и никогда уже не узнать, почему шарик рулетки останавливался в той же строгой последовательности? Что это? Поэзия абсолютного шанса или строгая закономерность точно разработанной законченной системы?

Я был бы благодарен за эту поэзию, но как же бы я гордился, доказав совершенство придуманной мною системы!

Проходя между столов, я чувствовал себя командиром, проводящим торжественный смотр своего войска. Мне очень хотелось сделать выговор старой леди за ее искусственные маргаритки на шляпке и пробрать мистера Боулза за то, что он не отполировал как следует свой слуховой аппарат. Кто-то тронул меня за локоть, и я вручил двухсотфранковую фишку Птичьему Гнезду. "Изящнее двигайся, - хотелось сказать ей, - руку нужно протянуть на всю длину и не стибать в локте, да и волосы давно уже пора привести в порядок". С нервным сочувствием все наблюдали, как я проходил, выбирая стол. И когда я остановился, кто-то поднялся и уступил мне стул. Но я пришел не выигрывать - я пришел чисто символически, чтобы поиграть немного и уйти. Поэтому я вежливо отказался от предложенного стула, поставил свои фишки по определенной схеме и с чувством триумфа увидел, как все их стребла со стола лопатка крупье. Потом я пошел в отель.

Кэри там не было, и я был очень разочарован, потому что очень хотелось объяснить ей всю важность этого символического проигрыша, а вместо этого пришлось раздеться и скользнуть между простыней. Я долго не мог уснуть, потому что уже успел привыкнуть к телу Кэри рядом. В половине третьего Кэри разбудила меня - она искала в темноте свою кровать.

- Где ты была? - спросил я.

- Гуляла.

- Одна?

- Нет.

Я чувствовал, что она ожидает от меня первого выпада, - тогда за ней

осталось бы моральное преимущество. Я сделал вид, что поудобнее устраиваюсь в постели и снова собираюсь спать. Она немного подождала и не выдержала:

- Мы ходили в Морской клуб.

- Он же закрыт.

- А мы нашли лазейку - клуб был такой огромный и ужасный в темноте, с креслами, сваленными в кучу.

- Занятое приключение. А как же вы обходились без света?

- О, была полная луна. Филипп рассказал мне о своей жизни.

- Надеюсь, вы нашли себе кресла?

- Нет, мы сидели на полу.

- Если у него действительно интересная жизнь, расскажи мне о ней. Уже слишком поздно, а завтра у меня...

- ...твоя работа в казино с самого утра? Мне кажется, его жизнь тебе неинтересна. Она была очень простая, идиллическая. А рассказывал он о ней интересно. Он учился в лицее.

- Во Франции почти все учатся в лицеях.

- Его родители умерли рано, ему пришлось жить с бабушкой.

- А дедушка?

- Тоже умер.

- Старческая смертность довольно высокая во Франции.

- Два года он служил в армии.

Я подвел итог:

- Действительно, его жизнь выглядит очень оригинальной.

- Ты только и можешь, что все высмеивать и высмеивать, - обиделась она.

- Что с тобой, дорогая, я же ничего такого не сказал.

- Конечно, разве тебе может показаться интересной его жизнь? Ты ведь никогда никем не интересовался, кроме себя самого, а он такой молоденький и такой несчастный. Живет только на кофе и булочках.

- Бедняга, - искренне посочувствовал я.

- Тебе все так безразлично, что ты даже не поинтересовался, как его зовут.

- Ты же сама сказала - Филипп.

- Филипп - это имя, а фамилия? - с триумфом спросила она.

- Дюпон, - ответил я.

- А вот и нет. Его фамилия Шантье.

- Пусть так. Я просто спутал его с Дюпоном.

- А кто это такой - Дюпон?

- Возможно, они похожи.

- Я спросила, кто такой Дюпон?

- Я не знаю, - ответил я. - Уже слишком поздно.

- Ты невыносим.

Она ударила по подушке, словно та была моим лицом. На несколько минут она умолкла, а потом сказала безжалостно:

- Ты даже не поинтересовался, не переспала ли я с ним.

- Извини. Ты с ним переспала?

- Нет. Но он просил, чтобы я провела с ним ночь.

- На сваленных в кучу креслах?

- Завтра мы договорились пообедать в ресторане.

Она таки довела меня до того состояния, которого добивалась. Больше сдерживаться я не мог.

- В конце концов, - спросил я, - ради всего святого, кто такой этот Филипп Шантье?

- Конечно же тот молодой голодный человек.

- Ты собираешься есть вместе с ним в ресторане кофе с булочками?

- За обед плачу я. Он слишком гордый, но я его переубедила. Он поведет меня в такое место, где очень дешево, тихо и просто - что - то вроде студенческого кафе.

- Ну и прекрасно, - сказал я, - потому что я тоже собираюсь пообедать с женщиной, с которой сегодня познакомился в казино.

- С кем же это?

- С мадам Дюпон.

- Это ее настоящая фамилия?

- Я не имею права назвать тебе ее настоящую фамилию, чтобы не оскорбить ее женского достоинства.

- Кто она?

- Она вчера выиграла много денег, и мы с ней перекинулись несколькими словами. Ее муж недавно умер, она его очень любила и теперь хочет немного позабыться и развлечься. Думаю, вскоре она найдет утешение - женщина она молодая, красивая, разумная и богатая.

- Понимаешь, сюда я ее привести не могу - пойдут ненужные разговоры. Кроме того, ее хорошо знают в зале для избранных. Она предложила поехать в Канны, где нас никто не знает.

- Хорошо. Только не вздумай возвращаться домой слишком рано, потому что я задержусь допоздна.

- Это же хотел предложить тебе я, дорогая.

Такая вот выдалась у нас ночь. Когда я лежал без сна и знал, что она также не спит, я думал, что во всем виноват Гом...

- Милая, - предложил я, - если ты откажешься от своего обеда, то я сделаю то же самое.

- А я в твой обед не верю, - ответила она. - Ты все выдумал.

- Клянусь тебе - честное слово, - что я пригласил женщину пообедать вместе завтра вечером.

- Я не могу подвести Филиппа, - отрезала она.

Я мрачно подумал: "Теперь я уже просто обязан пообедать с женщиной. Но где же, черт побери, найти мне эту мадам Дюпон?"

За завтраком и ленчем мы обращались друг с другом подчеркнуто вежливо, а под вечер Кэри даже пошла вместе со мной в казино, но, я думаю, только для того, чтобы увидеть мою женщину. Случилось так, что как раз за одним столом с нами сидела какая-то необычайно красивая молодая женщина, и Кэри, вероятно, решила, что это и есть моя избранница. Она попыталась было перехватить наши взгляды, которыми, как она полагала, мы должны обмениваться, и наконец не выдержала:

- А не собираешься ли ты поговорить с ней?

- С кем?

- С той красавицей.

- Не понимаю, о ком это ты? - спросил я и постарался придать голосу соответствующую интонацию, как будто все еще защищаю достоинство женщины.

Кэри возмущенно сказала:

- Я должна тебя оставить. Могу опоздать: Филипп ждет меня. Он такой деликатный.

Моя система срабатывала: я проиграл ровно столько, сколько рассчитывал проиграть, но настроение было испорчено. Я думал: "По всей вероятности, это совсем не то, о чем обычно говорят: "Милые бранятся - только тешатся". А если она действительно влюбилась в этого молодого человека? А если это - конец всему? Что мне делать? Что у меня осталось? Пятнадцать миллионов франков - сумма, совсем не адекватная утрате Кэри".

В тот вечер я не был единственным, кто постоянно проигрывал. В кресле на колесиках сидел мистер Боулз, он давал указания своей сиделке, которая, склонившись над его плечом, ставила за него фишки и стробала их особой лопаткой. Он также использовал систему, но, на мой взгляд, она не была эффективной. Он дважды посылал сиделку в кассу для размена денег, а в последний раз я заметил, что в его портмоне оставалось совсем немного - только несколько тысячефранковых банкнот. Он что-то зло приказал сиделке, и та расставила последние его фишки стоимостью в 150 тысяч франков. Шарик рулетки завертелся, и Боулз проиграл все. Отъехав в кресле от стола, он поймал мой взгляд.

- Снова вы, - заметил он. - Как вас зовут?

- Бертрам.

- Я взял с собой очень мало денег. А идти в отель не хочется. Займите мне пять миллионов.

- Извините, не могу, - ответил я.

- Вы ведь меня знаете. Вам известны мои возможности.

- В отеле... - начал было я.

- Мне не смогут дать столько денег, пока не откроется банк. А деньги мне нужны теперь. Вы выиграли много. Я следил за вами. Я верну долг завтра

вечером.

- Знаете, иногда случается и проигрывать.

- Что вы там мелете, черт возьми, я не слышу! - возмутился он, пристроив свой слуховой аппарат к ушам.

- Извините, мистер Второй, не могу.

- Моя фамилия не Второй. Вы же меня знаете. Я - А. Н. Боулз.

- В конторе мы называем вас мистер А. Н. Второй. Почему бы вам не пойти в местный банк и не получить деньги по чеку? Там всегда кто-нибудь дежурит.

- У меня не открыт там счет в франках, молодой человек. Разве вы ничего не знаете о правилах обмена валюты?

- Таких людей, как я, это мало волнует, - ответил я.

- Давайте попьем кофе и обсудим наши дела.

- Сейчас у меня нет времени.

- Послушайте, молодой человек, я все-таки ваш хозяин.

- У меня нет хозяев, кроме Гома.

- А кто такой Гом?

- Мистер Друтер.

- Гом... Второй... Мне кажется, вы проявляете удивительное отсутствие уважения к руководству фирмы. А сэр Уолтер Бликсон также имеет кличку?

- По-моему, младший персонал называет его Волдырем.

Тонкая усмешка на мгновение тронула черты его напудренного лица.

- В конце концов, хоть эта кличка довольно удачная, - отметил А. Н. Второй. - Сестра, вы можете погулять с полчаса, пройдитеесь до гавани и назад. Вы ведь всегда говорите, что вам нравится смотреть на корабли.

Когда я развернул его кресло и начал продвигать его вместе с Боулзом к бару, на моих руках и лбу выступили капельки пота. В голове мелькнула фантастическая мысль, которая вытеснила даже мысли о Кэри и ее голодном кавалере. Я не мог дождаться, когда мы дойдем до бара, и предложил:

- В моем сейфе в отеле имеется пятнадцать миллионов франков. Вы можете их получить в обмен на ваши акции.

- Не стройте из себя идиота. Акции стоят двадцать миллионов по номиналу, а Друтер и Бликсон готовы выложить за них и все пятьдесят. стаканчик минеральной воды, пожалуйста.

Я подал ему воды. Он сказал:

- А теперь принесите пять миллионов.

- Нет.

- Молодой человек, - настаивал он. - У меня беспроегрывная система. Двадцать лет назад я дал себе обещание сорвать когда-нибудь банк. Какие-то несчастные пять миллионов не поставили бы меня в тупик. Идите и принесите их. Если вы этого не сделаете, я отдам приказ уволить вас с работы.

- И вы всерьез считаете, что такая угроза способна испугать человека с пятнадцатью миллионами в сейфе? А завтра у меня будет двадцать миллионов.

- Вы же сегодня проиграете все. Я следил за вами вчера.

- Вчерашний проигрыш был запланирован. Он только доказывает, что моя система правильная.

- Не могут существовать одновременно две правильные системы.

- Боюсь, что ваша слишком правильная.

- Раскройте мне свою систему.

- Нет. Но я могу сказать, какие недостатки у вашей.

- Свою систему я изобрел самостоятельно.

- Сколько же вы выиграли с ее помощью?

- Пока еще я не начинал выигрывать. Теперь я нахожусь на первой стадии. Сегодня вечером я начну выигрывать. Черт бы вас побрал, молодой человек: принесите же мне наконец эти пять миллионов.

- Моя система уже принесла мне пятнадцать миллионов.

Раньше я ошибался, полагая, что Второй - человек спокойный. Легко выглядеть спокойным, когда ваши движения ограничены. Но когда его пальцы, лежащие на колене, чуть шевельнулись, они выдали его внутреннее смятение: голова чуть качнулась и проводок слухового аппарата задрожал. Это дрожание было похоже на едва заметный порыв ветра, который заставлял звенеть оконные стекла и был верным признаком приближения торнадо.

Он сказал:

- По-моему, мы следуем одной и той же системе.

- Нет. Я наблюдал за вашей и хорошо ее знаю. Вы можете приобрести ее в

бумажном конверте у любого торговца канцелярскими товарами за тысячу франков.

- Неправда! Я сам ее придумал, годами работая над нею вот в этом самом кресле. На ее разработку ушло целых двадцать лет.

- Одни и те же мысли приходят в головы не только выдающимся ученым. Но банк никогда не удастся сорвать с помощью системы ценою в тысячу франков, хотя бы на ней и была надпись: "Безошибочная".

- Я докажу, что вы ошибаетесь. Я заставлю вас проглотить этот конверт. Принесите мне пять миллионов.

- Я уже высказал вам свои условия.

Вперед, назад и вбок двигались беспокойно его руки в том ограниченном пространстве, в котором болезнь позволяла им двигаться. Они метались, как мыши в клетке, мне даже казалось, что они грызут невидимые решетки.

- Вы даже не представляете себе, чего вы просите. Разве вам не известно, что тем самым вы получите контроль над всей фирмой, если объединитесь с Бликсоном?

- В конце концов я узнаю, что это такое - держать контроль над фирмой.

- Послушайте. Если вы дадите мне эти пять миллионов франков сегодня вечером, то завтра утром я верну их вам с половиной своего выигрыша.

- Никакого выигрыша по вашей системе не будет.

- Кажется, вы слишком уверены в своей системе.

- Да.

- Я мог бы предложить такой вариант: я продаю вам свои акции за двадцать миллионов плюс ваша система.

- У меня еще нет двадцати миллионов.

- Послушайте. Если вы так в себе уверены, я предлагаю вам выбор: взять акции за пятнадцать миллионов, которые вы отдадите сейчас, а разницу заплатите завтра в девять часов вечера - через двадцать четыре часа. Или вы потеряете свои пятнадцать миллионов. К тому же вы отдадите мне свою систему.

- Это безумное предложение.

- Оно и делается в соответствующем месте.

- Если я не выиграю завтра пяти миллионов, у меня не останется ни одной акции?

- Ни одной.

Его пальцы приостановили свое нервное движение. Я рассмеялся:

- Разве вы не подумали, что завтра я могу позвонить по телефону Бликсону и тот вышлет мне деньги для оплаты вашего залога? Ему нужны эти акции.

- Завтра суббота, а мы договорились расплачиваться наличными.

- Я не отдам своей системы до последующего расчета, - сказал я.

- Она мне и не нужна, если вы проиграете.

- Но мне ведь нужны деньги для игры.

Он серьезно отнесся к этому моему заявлению. Я продолжал:

- Нельзя же играть по системе, имея всего несколько тысяч франков.

- Согласен. Вы можете теперь дать мне десять миллионов, - сказал он, - в счет пятнадцати миллионов. Если вы проиграете, то будете должны мне еще пять миллионов..

- А как вы с меня их возьмете?

Он одарил меня своей зловещей усмешкой:

- Я урежу вашу зарплату на пятьсот фунтов в год на протяжении десяти лет.

Я поверил, что так он и поступит. В мире Друтера и Бликсона он со своим небольшим пакетом акций выжил только благодаря жестокости, твердости и непреклонности характера.

- Таким образом, я должен буду выиграть десять миллионов с помощью пяти миллионов?

- Вы ведь утверждаете, что ваша система совершенна.

Старик издевался надо мной:

- Лучше просто займите мне пять миллионов, и дело с концом.

Я подумал о Гоме, находящемся сейчас в море на своей яхте со знаменитостями на борту, и о нас двоих, им забытых, - какое ему дело до какого-то там помощника бухгалтера? Я вспомнил, с каким видом он повернулся к мисс Булен и бросил: "Отдайте необходимые распоряжения насчет женитьбы мистера Вертрама" (он даже не запомнил, как меня зовут!). Интересно, смог ли бы он с помощью мисс Булен организовать похороны наших родителей или рождение наших детей? Я подумал, как я позвоню по телефону мистеру Бликсону

и договарюсь с ним и тем самым с помощью этих акций буду держать Гома в узде до того времени, пока тот будет чувствовать боль, потом уже не будет у него никакого покоя на восьмом этаже, никаких яхт, никакого ему "Покоя, красоты и наслаждения". Он нравился мне своей вежливостью, своим обхождением, своей фальшивой добротой, пока я чуть было не принял его за великого человека, каким он себя считает. "Теперь, - подумал я с сожалением, которого не мог объяснить, - он станет таким маленьким, что будет целиком у меня в руках". И я с отвращением посмотрел на свои запачканные чернилами руки.

- Ну, вот видите, - сказал Второй, - вы уже сомневаетесь в своей системе.

- О нет, - ответил я. - Я принимаю ваш вызов. Просто мне подумалось о чем-то своем - вот и все.

Я сходил в отель и принес деньги, и мы, не откладывая в долгий ящик, сразу же записали наши условия заклада на листочке почтовой бумаги, и сиделка - она уже возвратилась с прогулки - вместе с барменом засвидетельствовали этот заклад. Он вступил в силу в девять часов вечера, срок оплаты - в то же самое время на следующий день: Второй пожелал, чтобы ни хорошие, ни плохие новости не мешали ему играть до обеда. Затем я все-таки заставил его угостить меня рюмочкой виски, хотя, наверняка, у Моисея, когда он добывал воду со скалы в Синае, было меньше забот, и я увидел, как сиделка покатила его кресло в зал для избранных. В сущности, через двадцать четыре часа я стану совладельцем "Ситры". Ни Друтер, ни Бликсон в бесконечной войне между собой не смогут сделать ни одного шага без согласия скромного помощника бухгалтера. Как-то странно становилось на душе от мысли, что ни один из них даже не подозревает, как резко переменится обстановка в руководстве фирмы: контроль над нею перейдет от друга Друтера к его врагу. Бликсон скорее всего отдыхает в своем доме в Хэмпшире, штудировать задание на завтра, совершенствуя произношение иудейских имен в Библии, и не ощутит от этой неожиданной новости никакой радости. А Друтер? Друтер сейчас в открытом море, недоступный, - играет в бридж со светскими львами, не чувствуя опасности, нависшей над ним... Бликсон первым получит приятную новость: утром в понедельник я сообщу ее ему по телефону. Но, может, сделать это через моего непосредственного начальника - Арнольда? Нельзя допустить временного стовора между Друтером и Бликсоном против самозванца: я поручу Арнольду передать Бликсону, что с этого времени он может рассчитывать на мою твердую поддержку. Друтер даже знать ничего не будет о нашем соглашении, пока не свяжется с фирмой по телефону из какого-нибудь ближайшего порта. Но даже это я могу предотвратить: попрошу Арнольда хранить все в тайне до возвращения Друтера и, таким образом, с наслаждением сообщу ему обо всем лично.

Я вышел, чтобы рассказать Кэри об этих новостях, совершенно забыв о ее свидании: я представлял себе, каким будет ее лицо, когда я сообщу, что она - жена человека, контролирующего "Ситру"... "Ты презирала мою систему, - хотел сказать я ей, - ты ненавидела те дни, что я провел в казино, но никакой вульгарной причины тут не было - я добивался не денег". Но я совершенно забыл, что до сегодняшнего вечера у меня не было никаких других мотивов, кроме денег.

Но, конечно же, Кэри я нигде не нашел. "Мадам вышла с джентльменом", - об этом портье мог бы и не говорить, потому что я сам вспомнил о свидании в простом студенческом кафе. Было и в моей жизни время, когда я без особенных хлопот находил себе женщину. Я возвратился в казино, чтобы выполнить данное жене обещание. Но возле моей красавицы уже пристроился какой-то мужчина: их пальцы перебирали общие фишки, и вскоре я понял, что одиноких женщин, посещающих казино, не очень интересуют мужчины. Шарик рулетки, а не постель, - вот основная их цель...

Я наблюдал, как Птичье Гнездо крутится вокруг столов, совершая внезапные наскоки то на один, то на другой, когда ее не видит крупье. Техника у нее была отменная: если какая-нибудь кучка фишек делалась достаточно большой, она накрывала ладонькой одну фишку и одаривала ее обладателя нежным взглядом, будто хотела сказать: "Вы такой щедрый человек, а за такой незначительный подарок я целиком и полностью в вашей власти". Она настолько была уверена в своей привлекательности, что никто не осмеливался разоблачить ее мошенничество. В этот вечер в ушах ее были длинные янтарные серьги, а лиловое вечернее платье подчеркивало лучшую часть ее фигуры - плечи. Плечи у нее действительно были роскошные - широкие, и в них чувствовалось что-то

животное. Но все впечатление портило ее лицо, возникавшее неожиданно, как при вспышке света, и сразу же бросались в глаза неубранные волосы, в которых запутались серьги (уверен, она сама считала, что эти неаккуратные пряди и пучки волос были "шикарными локонами"), нелепая усмешка. Глядя на нее, я понял: вот нужная мне женщина. Я должен был отобедать с женщиной, которая согласится разделить со мной компанию. Когда она в очередной раз увильнула от слуги со скоростью пантеры и с легким звоном, шедшим от ее сумочки, где, по-моему, она держала стофранковые фишки, я дотронулся до ее руки.

- Уважаемая леди, - начал я.

Это напыщенное обращение удивило меня самого: ощущение было такое, будто кто-то другой, а не сам я вложил его в мои уста, и казалось, оно - из тех же старомодных времен, что и ее лиловое платье и плечи.

- Уважаемая леди, - повторил я с еще большим удивлением (мне показалось, что у меня над губой вырастают небольшие седые усики), - надеюсь, вы простите незнакомцу, дерзнувшему...

Она, наверное, всегда испытывала страх перед слугами, так как ее инстинктивно жалкая, просящая усмешка преобразилась вдруг в широкую улыбку, озарившую все ее лицо...

- О, какой же вы незнакомец! - воскликнула она, и я обрадовался, что она англичанка и мне не придется целый вечер разговаривать на ломаном французском языке. - Я была свидетельницей вашей огромной удачи!

Замечу, что от этой удачи она имела определенную корысть.

- Я хотел бы спросить у вас, уважаемая леди, - снова вырвалось из моих уст необычное обращение, - не окажете ли вы мне честь отобедать со мной. У меня здесь нет никого, с кем бы я мог отпраздновать свою удачу.

- О чем речь, полковник, это доставит мне величайшую радость.

Тут уж я действительно тронул рукой свои губы, чтобы убедиться, что усиков там еще нет. Казалось, мы с ней разучивали роли в какой-то пьесе. Я заметил, что она направилась в ресторан зала для избранных, но мне совсем не хотелось обедать с таким страшилищем в казино. Я сказал:

- Мне кажется... может быть, нам стоит плотнуть немного свежего воздуха - такой чудесный вечер, после духоты этих комнат приятно пройтись немного по улице, найти какое-нибудь укромное местечко для избранных...

Я предложил бы ей какую-нибудь отдельную комнату, если бы не опасался, что она могла бы неправильно истолковать и поощрить мои намерения.

- Ничего не принесло бы мне большего наслаждения, полковник.

Мы выскользнули (другое слово подыскать тяжело) на улицу, и я молил Бога, чтобы Кэри с ее молодым человеком сидела уже в своем дешевом кафе, - было бы просто ужасно, если бы она увидела меня в такой момент. Вокруг этой женщины витало нечто нереальное. Мне уже казалось, что к седым усикам у меня теперь прибавились складной оперный котелок и пунцовый плащ в полоску. Я сказал:

- Как вы считаете, не взять ли нам конный кэб? Такая приятная благоуханная ночь...

- Пьяная, полковник?

- Благоуханная, - поправил я, но не был уверен, что она поняла.

Когда мы устроились в кэбе, я обратился к ней за помощью:

- Действительно, я ничего здесь не знаю. В ресторанах я обедаю редко. Сможем ли мы найти что-нибудь такое, где спокойно и тихо... какое-нибудь местечко для избранных?

Я мечтал, чтобы это место было недоступное, чтобы туда вообще никто не мог попасть, кроме нас двоих, - тогда бы я не чувствовал себя так неловко.

- Тут есть небольшой ресторанчик, скорее клуб, очень изысканный. Он называется "Орфей". Но, боюсь, полковник, там довольно дорого.

- Это не имеет значения - деньги для меня ничто.

Я назвал ресторан извозчику и откинулся на сиденье. Она сидела прямо как стрела, и я мог спрятаться за ней.

- Когда вы последний раз бывали в Челтенхэме? - спросил я.

Дьявол вертелся вокруг нас в ту ночь. Что бы я ни сказал, каждая реплика в той пьесе, роль в которой мне было суждено играть экспромтом, была предусмотрена:

- Родной Челтенхэм... - ответила она. - А как вы догадались?

- Ну, понимаете, красивая женщина всегда бросается в глаза.

- А вы там жили?

- В одном из тех красивых домов на Куинз Парейд.

- Мы были с вами, видимо, близкими соседями.

Я почувствовал, что ее массивное лиловое бедро пододвинулось ко мне немного ближе - видимо, она хотела подчеркнуть только что упомянутую близость. Я обрадовался, что кэб остановился: мы проехали от казино шагов двести, не более.

- Немного чванливо, а? - спросил я, уставившись на освещенный барельеф головы над входом. - Он напоминал огромную картофелину. Мы должны были прокладывать себе дорогу через обрезки хлопчатобумажной материи, которая, думается мне, имитировала легкую прозрачную ткань. Маленький зал был сплошь обвешан фотографиями писателей, актеров и кинозвезд. Мы также вынуждены были поставить свои автографы в книге почетных гостей и, таким образом, стали пожизненными членами этого клуба. Я подписался: "Роберт Деваро". Я чувствовал, как она навалилась на мои плечи, искоса подглядывая, как я расписываюсь.

Ресторан был переполнен и довольно ярко освещен круглыми стеклянными абажурами. Вокруг было много зеркал, которые, видимо, были закуплены при распродаже какого-то старинного ресторана, так как были украшены старомодными рекламными надписями вроде: "Баранина отбивная".

- На открытии этого ресторана был сам Кокто, - сказала она.

- А кто это?

- Ах, полковник, - пожурила она, - вы надо мной смеетесь!

Я ответил:

- Вы знаете, жизнь, которую мне приходится вести, не оставляет много времени для чтения...

И вдруг, как раз под рекламой "баранины отбивной", я увидел Кэри - она внимательно всматривалась в меня.

- Как я завидую людям, ведущим бурную жизнь, полную приключений и опасностей, - воскликнула моя спутница и положила сумочку - со звоном - на стол.

Все ее птичье гнездо всколыхнулось, а серьги задрожали, когда она, повернувшись ко мне, доверительно сообщила:

- Расскажите, полковник, о себе. Я так люблю... просто обожаю... слушать, как настоящие мужчины вспоминают эпизоды из своей бурной жизни.

Глаза Кэри в зеркале стали огромными, а ее челюсть немного отвисла, будто бы она онемела на середине фразы.

- О, понимаете, мне нечего особенно вспоминать.

- Мужчины такие скромные в отличие от нас, женщин. Если бы у меня были какие-нибудь необычайные приключения, которыми я могла бы гордиться, я бы при каждом удобном случае рассказывала о них. Челтенхэм, конечно же, казался вам слишком тихим местом.

Я услышал, как за соседним столиком звякнула ложка, и неуверенно пробормотал:

- О, мне нравится тихая и спокойная жизнь. Что вы будете есть?

- У меня такой совсем маленький аппетитик, полковник. Разве что лангуст "Термидор"...

- И бутылочку доброго винца? - я чуть не откусил себе язык, но ужасные слова были уже произнесены.

Я хотел обернуться к Кэри и сказать: "Это не я говорю. Это совсем не мои слова. Это слова моего персонажа. Виновен автор пьесы, а не я".

Незнакомый голос произнес:

- Я горячо тебя люблю. Я люблю все, что ты делаешь, как ты разговариваешь, как ты молчишь. Жаль, что я не знаю хорошо английского языка, чтобы высказать тебе...

Я медленно повернулся в сторону и бросил взгляд на Кэри. Никогда - кроме момента, когда я впервые поцеловал ее, - не видел, чтобы она так покраснела. Птичье Гнездо сказала:

- Какие же они молоденькие и какие романтичные, правда? Я всегда считала, что англичане очень сдержанные люди. Именно это делает наше свидание таким неожиданным. Полчаса назад мы даже не слышали ничего друг о друге, а теперь вот сидим вместе за столом за бутылочкой доброго винца, как вы только что выразились. Как мне нравятся эти колоритные выражения настоящих мужчин! Вы женаты, полковник?

- Ну, в некотором смысле...

- Что вы имеете в виду?

- В некотором смысле мы разведены.
- Как грустно. И я также потеряла мужа - он умер. Возможно, это не так грустно.

Голос, который я начал уже ненавидеть, произнес:

- Твой муж не заслуживает того, чтобы ты сохраняла ему верность. Покинуть тебя одну на целую ночь ради игры в рулетку...

- Сегодня вечером он не в казино, - сказала Кэри и добавила сдавленным голосом: - Он сейчас в Каннах ужинает с молодой, красивой и умной вдовой.

- Не плачь, дорогая.

- Я не плачу, Филипп, я... я... я смеюсь. Если бы только он мог меня видеть...

- Он наверняка пришел бы в ярость от ревности. А ты ревнивая?

- Так трогательно, - заметила Птичье Гнездо, - Тяжело удержаться, чтобы не слушать. Кажется, целая жизнь проходит перед глазами...

Вся эта сцена, по-моему, выглядела до отвращения однообразно.

- Женщины такие доверчивые, - сказал я, специально повысив голос. - Все началось с того, что моя жена начала ухаживать за молодым человеком, потому что он выглядел голодным. Верно, он и был голоден. Он обычно ходил с ней по дорогим ресторанам, как этот, и заставлял ее платить. Вы знаете, сколько содрали с нас за лангусты "Термидор"? Это блюдо такое дорогое, что в меню даже не проставлена цена. Простое, дешевое студенческое кафе.

- Я ничего не понимаю, полковник. Что-нибудь вас расстроило?

- А возьмите вино. Разве, по-вашему, я должен тянуть из себя жилы, чтобы он пил это вино за мой счет?

- Вы ведете себя непристойно.

Кто-то поставил бокал на стол с такой силой, что он разбился. Ненавистный голос сказал:

- Дорогая, это хорошая примета. Видишь - я вылил чуточку вина тебе за уши и на макушку... Ты думаешь, твой муж переспит с той красивой леди в Каннах?

- Спать - это все, на что он пригоден.

Я вскочил на ноги и закричал на нее:

- Не могу больше выдерживать всего этого нахальства. Как ты смеешь такое говорить?

- Филипп, - сказала Кэри, - уйдем.

Она оставила на столе несколько банкнот и повела его за собою. Он был слишком удивлен, чтобы сопротивляться.

Птичье Гнездо сказала:

- Они действительно вели себя не очень хорошо, зашли слишком далеко, правда? Такие вещи говорить при всех, вслух! Мне нравится ваше старомодное рыцарское поведение, полковник. Пусть это послужит им наукой.

Чтобы съесть земляничное мороженое и лангусты "Термидор", ей понадобился почти час. За это время она рассказала мне всю историю своей жизни. Начала с младенчества в старом доме приходского пастора в Кенте - это было за лангустом - и закончила своей горькой вдовой долей в Челтенхэме - за мороженым. В МонтеКарло она остановилась в небольшом пансионе, потому что он был "для избранных", и, на мой взгляд, ее махинации в казино помогали ей оплачивать свое проживание.

В конце концов я избавился от нее и пошел домой. Я боялся, что не найду там Кэри. Но она сидела на кровати, уставившись в один из тех доходчивых самоучителей французского языка, которые читаются, как увлекательные романы. Когда я открыл дверь, она глянула поверх книги и сказала:

- Входите, мой полковник.

- Зачем тебе это нужно? - спросил я.

- Я стараюсь немного усовершенствовать свой французский язык.

- Зачем?

- Возможно, вскоре я буду жить во Франции.

- А-а! С кем же? С тем голодным студентом?

- Филипп сделал мне предложение.

- После такого роскошного ужина, какой ты ему закатала сегодня, он, по-моему, просто обязан был сделать это.

- Я предупредила его, что есть одна преграда.

- Вероятно, ты имела в виду свой плохой французский язык.

- Нет, я имела в виду тебя.

Внезапно она расплакалась, спрятав голову под самоучителем, чтобы я не мог видеть ее лица. Я сел на кровать и положил руку ей на бедро; я чувствовал себя утомленным, чувствовал, что мы слишком отошли друг от друга, от того небольшого бара за углом, чувствовал, что мы давно уже женаты... Но успокоить ее не удалось – мне всегда мешали мои руки.

– Поедем домой, – предложил я.

– Не дождавшись мистера Друтера?

– А почему мы должны его ждать? Фактически мистер Друтер находится в моих руках.

Я не собирался ничего ей рассказывать, но все получилось как-то само собой. Она подняла голову от своего учебника и перестала плакать. Я сказал ей, что когда вволю натешусь ролью босса Друтера, то продам свой пакет акций Бликсону с выгодой для себя и, таким образом, окончательно расправлюсь с Друтером.

– И мы будем жить в комфорте и достатке, – закончил я.

– Без меня.

– Что ты имеешь в виду?

– Милый, у меня сейчас нет никакой истерики, и я совсем не злюсь на тебя. Я говорю совершенно серьезно. Я не выйду замуж за богатого человека. Я вышла замуж за человека, с которым встречалась в баре "Волонтер", за того, кто любил холодные сосиски и ездил автобусом, так как на такси ему было слишком дорого. Жизнь у него была незавидная. Он женился на стерве, которая сбежала от него. Я хотела... очень хотела... принести ему радость. Теперь я вдруг просыпаюсь в постели с человеком, который может купить себе наслаждения, какие только пожелает, и который мечтает уничтожить человека, пожилого человека, который оказал ему добрую услугу. Что из того, если Друтер просто забыл о том, что пригласил тебя сюда? В то время он действительно хотел этого. Он посмотрел на тебя, и ему показалось, что ты устал, и ты ему понравился – просто так, без всякой причины, так, как я любила тебя, когда мы встречались в баре "Волонтер". Так, как это обычно заведено между людьми. Человеческая природа не подчиняется никаким системам, как твоя рулетка.

– Моя система не нанесла тебе никакого вреда.

– О, нет, она принесла мне много вреда. Она уничтожила меня. Я жила для тебя, а теперь я тебя теряю.

– Неправда, никого ты не теряешь. Вот он – я, тут, перед тобой.

– Когда я вернусь домой и пойду в бар "Волонтер" – тебя уже там не будет. Когда я буду ожидать на остановке девятнадцатый автобус, тебя там также не будет. Тебя не будет нигде, где бы я смогла тебя найти. Ты будешь ездить на автомобиле в свой роскошный дом в Хэмпшире, как сэр Уолтер Бликсон. Милый, ты был слишком счастливый, но ты выиграл много денег, и я тебя больше не люблю.

Я пошутил над ней, но в шутках моих не было уже никакой сердечности.

– По-моему, ты любишь только бедных людей.

– А разве это не лучше, чем любить только богатых? Милый, я лягу спать на диване в гостиной.

Теперь у нас снова были гостиная и отдельная комната для меня, так же, как и вначале.

– Не волнуйся. У меня есть постель, – сказал я и вышел на балкон. Была такая же ночь, как и та, когда мы впервые поругались, но на этот раз она на балкон не вышла и мы с ней не ссорились. Я хотел постучать в ее дверь и сказать что-нибудь, но не нашел нужных слов. Все мои слова, казалось, звенели в пустоте, как фишки в сумочке Птичьего Гнезда.

Я не видел ее ни за завтраком, ни за ленчем. После ленча я пошел в казино, и впервые мне не захотелось выигрывать. Но дьявол все-таки был замешан в моей системе, и я выиграл. У меня теперь уже хватало денег рассчитаться с Боулзом. Я стал владельцем его акций, и мне захотелось проиграть последние двести франков на "кухне". Потом я прогулялся вдоль террасы – случается, приходят неплохие мысли во время прогулки, но в этот раз они не пришли. А затем, взглянув на гавань, я увидел белую яхту, которой тут раньше не было. Над ней реял британский флаг, и я сразу же узнал ее по снимкам в газетах. Это была "Чайка". Гом наконец приехал – он опоздал только на неделю. Я подумал: "Ну, хорошо же, выродок, если бы ты исполнил свое обещание и приехал вовремя, я бы не потерял Кэри. Для тебя я не был такой важной персоной, о которой следует помнить, но зато теперь я сделался очень

важной особой для Кэри, чтобы она могла меня любить. Ну, хорошо, если я потерял ее, ты также утратишь все – а Бликсон, конечно же, купит твою яхту".

Я отправился в бар. Гом был уже там. Он только что заказал себе порцию "Перно" и, как старый знакомый, разговаривал с барменом по-французски. Он свободно владел любым языком, на каком бы ни разговаривал его собеседник, – с каждым он был способен найти общий язык. Однако теперь он вовсе не походил на того Друтера с восьмого этажа. Он швырнул поношенную кепочку яхтсмена на стойку бара. На нем были мешковатые брюки и шерстяной спортивный свитер, лицо его заросло семидневной щетиной. Когда я вошел, он не прекратил разговора, но, посмотрев в зеркало, я заметил, что он внимательно вглядывается в меня, стараясь вспомнить, где меня видел. Я понял, что он не только забыл о своем приглашении, но даже начисто забыл и меня самого.

– Мистер Друтер, – обратился я к нему.

Он намеренно медленно повернулся ко мне: было видно, что он силится что-то вспомнить.

– Вы меня узнаете? – спросил я.

– А как же, друг мой, я сразу же вспомнил вас. Просто не могу прийти в себя. Дай Бог памяти, последний раз мы встречались...

– Меня зовут Вертрам.

Я понял, что моя фамилия ни о чем ему не говорит.

– Ну конечно же, – сказал он. – Давно приехали?

– Мы здесь уже девять дней. Мы надеялись, что вы успеете на нашу свадьбу.

– Свадьбу?

Я наблюдал, как постепенно он начинает все припоминать. Через мгновение он начал выкручиваться, подбирая объяснения.

– Мой дорогой дружище, надеюсь, что все обошлось. У нас внезапно сломался двигатель. Знаете, как это бывает в открытом море. И ни с кем нельзя было связаться. Сегодня вечером я приглашаю вас на яхту. Подготовьте свои чемоданы. Мы отплываем в полночь. Монте-Карло очень большое искушение для меня. А как вы? Много денег проиграли?

Он старался утопить свою вину в потоке слов.

– Нет, наоборот, немного выиграл.

– На этом нужно остановиться. Единственный выход.

Он быстро оплатил свое "Перно". Он старался как можно быстрее исправить свою ошибку.

– Приходите ко мне на яхту. Сегодня мы поужинаем. Втроем. На яхте. До самого Портофино на борту никого больше не будет. Скажите, что ваш счет в отеле оплачу я.

– Не нужно. У меня есть деньги.

– Я не хочу, чтобы вы тратили свои деньги: это моя вина, что я опоздал.

Друтер взял свою кепочку яхтсмена и вышел. Я только и заметил, что походка у него была морская, вразвалочку. Он не оставил мне времени на то, чтобы моя ненависть нашла выход, или хотя бы на то, чтобы я сказал ему, что не знаю, где сейчас моя жена. Я вложил деньги для Боулза в конверт и попросил портье, чтобы тот передал их ему в баре казино в девять часов вечера. Потом поднялся наверх в свой номер и начал упаковывать чемоданы. У меня появилась небольшая надежда, что, если мне удастся заполучить Кэри с собой в море, все наши беды останутся здесь: на берегу, в богатом отеле, в роскошно украшенном зале для избранных, в казино. Мне хотелось поставить все наши невзгоды и сразу же их проиграть. Но когда я закончил укладывать чемоданы и зашел в ее спальню, то понял – надежды больше нет. Комната была не просто пустой – она была покинутой. Туалетный столик ожидал другого клиента – одна-единственная вещь лежала на нем. Это было традиционное прощальное письмо. Женщины так много читают разных журналов и, видно, в совершенстве знают формулы прощания, вычитанные в них; все они какие-то безликие: "Милый, больше я к тебе не вернусь. Мне не хватило духа сказать тебе об этом в глаза, да и какая в этом нужда? Мы больше друг другу не подходим". Я вспомнил все предыдущие девять дней, вспомнил, как подгоняли мы тот старомодный драндулет.

Возле конторки мне подтвердили:

– Да, мадам освободила номер час назад.

Я попросил, чтобы присмотрели за моими чемоданами: Друтер, конечно, не захочет держать меня на борту своей яхты, когда узнает, о чем я собираюсь ему сообщить.

Друтер побрился, надел новую рубашку и читал книгу в небольшой каюте для отдыха на своей яхте. У него снова был величественный вид человека с восьмого этажа. Бар был гостеприимно открыт, и цветы выглядели так, будто их только что срезали. Но все это не произвело на меня никакого впечатления. Я на собственной шкуре убедился в действительной цене его доброты, а такая неискренняя доброта может лишь погубить людей. Доброта должна идти от сердца. Я держал нож за пазухой и выжидал момент, чтобы пустить его в ход.

- Но я не вижу вашей жены?

- Она скоро подойдет, - ответил я.

- А ваши чемоданы?

- Их тоже принесут скоро. Можно мне выпить?

Меня не мучило сомнение, как датского принца, чтобы набраться смелости для вероломного убийства. Я быстро проглотил две рюмки виски. Он налил и себе, положил лед, прислуживая мне, как равному. Ему даже в голову не приходило, что теперь я выше его по служебной лестнице.

- Вы выглядите утомленным, - отметил он. - Отпуск не пошел вам на пользу.

- У меня было много забот.

- Вы не забыли прихватить с собой Расина?

- Нет, не забыл.

На мгновение меня тронуло, что он помнит такие мелочи.

- Может быть, после обеда вы бы почитали немного из Расина. Когда-то я им очень увлекался. Много в жизни было такого, что теперь забылось. Старость не радость, не та уже у меня память.

Я вспомнил, как Кэри говорила: в конце концов, в его годы он имеет право на забывчивость. Но вспомнив Кэри, я чуть не уронил слезу в рюмку.

- Мы забываем многие вещи, которые находятся под руками, но хорошо помним далекое прошлое. Меня часто тревожит прошлое. Ненужные недоразумения. Ненужная боль.

- Можно мне еще выпить?

- Пожалуйста.

Он сразу же поднялся, чтобы налить. Наклонившись над баром и повернувшись ко мне своей широкой спиной, он сказал:

- Не стесняйтесь, говорите. Мы сейчас с вами не на восьмом этаже. Просто два человека в отпуске, надеюсь, друзья. Не беда, если один из нас зальет свое горе, немного выпьет и немного опьянеет.

Я был чуть пьяный - более чем немного. Мой голос выдал мое волнение, когда я сказал:

- Моя жена не придет. Она меня покинула.

- Поругались?

- Никакой ссоры не было. Таких слов, которые можно оспаривать или забыть, сказано не было.

- Она кого-нибудь поллюбила?

- Не знаю. Возможно.

- Расскажите мне все. Я не могу вам помочь, но каждому в такой момент нужно, чтобы его выслушали.

Используя местоимение "каждый", он превратил мое личное горе во всеобщее, будто все люди осуждены на муки. "Каждый" рождается, "каждый" умирает, "каждый" утрачивает любимых. Я рассказал ему все. Все - кроме того, ради чего я пришел сюда на борт и о чем я должен был сообщить ему в первую очередь. Я вспомнил наши ленчи с кофе и булочками, мои выигрыши, рассказал о голодном студенте и о Птичьем Гнезде. Я вспомнил о нашей ссоре из-за официанта и о том, как она мне сказала: "Я тебя больше не люблю". Я даже - теперь мне это кажется невероятным - показал ему прощальное письмо.

- Простите меня, - сказал он. - Если бы я не задержался, этого не случилось бы. Но, с другой стороны, вы бы не выиграли все эти деньги.

- На кой черт мне нужны теперь все эти деньги! - ответил я.

- Так легче всего говорить. Я сам говорил то же самое много раз. Но вот - видите - я все еще тут... - он широким жестом обвел свой уютный скромный салон - иметь такой мог себе позволить только очень богатый человек. - Если бы в самом деле я делал то, что говорил, меня бы здесь не было.

- А я говорю то, что думаю в самом деле.

- В таком случае у вас еще есть надежда.

- В этот самый момент она, может быть, уже спит с ним.

- Это не разрушит вашу надежду. Часто случается, что открываешь настоящую

силу любви, когда переспишь с кем-нибудь еще.

- Что мне делать?
- Выкурите сигару.
- Я не курю.

- Если вы не имеете ничего против... - он закурил сигару. - На них тоже нужны деньги. Если честно, я тоже не люблю денег - а кто их любит? На монетах безобразная, уродливо выполненная чеканка, а бумажные деньги слишком грязные. Как газеты, которые подбирают в общедоступных парках. Но мне нравятся сигары, эта яхта, возможность принимать у себя гостей, и я признаюсь, что мне приятно, да, - добавил он, - мне нравится управлять людьми.

Я даже забыл о том, что этой власти у него больше нет.

- Каждый должен мириться с этими проклятыми деньгами. А вы знаете, где они сейчас могут быть?

- Отмечают, по-моему, свою любовь... кофе с булочками.

- У меня было четыре жены. Вы уверены, что вам действительно хочется, чтобы она вернулась к вам?

- Да.

- Может быть, все-таки спокойнее без нее?

- Я не ищу покоя... пока что.

- Моя вторая жена - я был тогда еще молодой - бросила меня, и я совершил непростительную ошибку, вернув ее назад. Потом мне потребовалось много лет, чтобы избавиться от нее снова. Она была неплохой женщиной. Нелегко избавляться от хороших женщин. Если вы уже так настроились жениться, то лучше женитесь на плохой женщине.

- Такое уже случилось со мной однажды, и я не нашел в этом много счастья.

- Интересно.

Он выпустил струю дыма и наблюдал, как она медленно расходится и постепенно исчезает в воздухе.

- Все-таки с плохой женщиной долго не проживешь. А с хорошей можно прожить долго. Вот Бликсон женился на хорошей женщине. Каждое воскресенье она сидит рядом с ним на церковной лавке, обдумывая меню на обед. Она хорошая хозяйка, и у нее неплохой вкус, который проявляется в убранстве их дома. Руки у нее пухленькие, и она гордится, что они хорошо приспособлены для кондитерского дела, однако не только для этого существуют женские руки! Она высокоморальная женщина, и если он уезжает от нее на неделю, то чувствует себя свободным человеком. Но ему приходится возвращаться назад. Какая это ужасная вещь - неизбежное возвращение к своей жене!

- Кэри совсем не такая, - посмотрел я на остатки своего виски. - Ради всего святого, посоветуйте мне, что я должен делать?

- Я слишком стар, и молодые назвали бы меня циником. Людям никогда не нравится реальная жизнь. Они не прислушиваются к доводам здравого смысла. Я бы посоветовал вам принести сюда свои чемоданы, забыть обо всем этом деле - у меня большой запас виски, несколько дней вы находили бы в нем утешение. Завтра в Портофино ко мне на борт поднимется довольно много приятных гостей - вам, конечно же, понравится Силия Чартерис. В Неаполе есть несколько борделей, если зарок безбрачия покажется вам невыносимым. Я позвоню по телефону в контору, чтобы вам продолжили отпуск. Находите удовлетворение в случайных связях и не старайтесь совместить любовь с семейной жизнью.

- Мне нужна только Кэри, - настаивал я, - это мое последнее слово. Приключения мне не нужны.

- Моя вторая жена бросила меня: сказала, что у меня много амбиций. Она не понимала, что только те, кто умирает, свободны от амбиций. Но и у них, пожалуй, есть желание выжить. Мне пришлось помочь молодому человеку, которого полюбила моя жена. Он довольно быстро проявил свои амбиции. Есть разные амбиции - вот и все, и моя жена убедилась, что ей больше по душе мои амбиции, так как они неограниченны. Женщины относятся к бесконечности, как к несерьезному сопернику. Но довольствоваться должностью помощника бухгалтера - для мужчины оскорбительно.

- И все-таки никто не имеет права совать свой нос в чужие дела.

- Ваша жена - натура романтическая. Бедность этого молодого человека трогает ее. По-моему, я придумал неплохой план. Налейте себе еще рюмочку виски, а я вам его изложу...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Я сошел по трапу, слегка шатаюсь из стороны в сторону от выпитого виски, и поднялся в гору по склону от порта. Было четверть девятого, и когда я посмотрел на часы, сразу же вспомнил о том, о чем совершенно забыл рассказать Друтеру.

Друтер предупреждал:

- Только не вздумайте предлагать денег. Деньги такие грязные - это сразу же бросается в глаза. Но зато те кругленькие красные фишки... Вы сами увидите, никакой игрок против них не устоит.

Сперва я направился в казино, но там их не нашел. Затем обменял все свои деньги на фишки, и, когда я выходил из казино, в моих карманах звенело, как в сумочке у Птичьего Гнезда.

Всего лишь четверть часа понадобилось мне, чтобы найти их: они сидели в кафе, куда мы обычно ходили с Кэри. Я немного понаблюдав за ними, незаметно, из-за двери. Кэри совсем не выглядела счастливой. Она зашла сюда, как потом сама мне рассказывала, чтобы убедиться в том, что она меня больше не любит, что то место, где мы неоднократно бывали, никаких чувств у нее не вызовет, однако она убедилась, что все осталось по-прежнему. Ей было грустно видеть совершенно незнакомого ей человека, сидящего в моем кресле, к тому же этот чужой ей человек имел привычку, которую она не могла переносить: он запихивал булочку в рот и откусывал сперва намазанную маслом сторону. Поев, он начал пересчитывать деньги, а затем попросил, чтобы Кэри посидела молча, пока он будет проверять свою систему.

- Сегодня мы сможем позволить себе играть до пятисот франков, - заметил он, - это значит сделать пять стофранковых ставок.

Когда я подошел, он все еще сидел с карандашом в руке и бумагой. У самых дверей я поздоровался:

- Привет!

И Кэри обернулась. По привычке она чуть было не усмехнулась мне - было видно, что улыбка замерла в ее глазах, а потом она опустила взор вниз, как мальчик опускает вниз своего воздушного змея, пряча его от ветра.

- Чего тебе тут надо? - спросила она.

- Я хотел убедиться, что у тебя все в порядке.

- У меня все в порядке.

- Случается, делают что-то и против своего желания.

- Только не я.

- Вы мне мешаете, - сказал молодой человек. - То, над чем я сейчас работаю, - очень сложная вещь.

- Филипп, это... мой муж.

Он поднял глаза вверх:

- А-а, добрый вечер, - и начал нервно барабанить по столу кончиком карандаша.

- Надеюсь, вы хорошо ухаживаете за моей женой.

- Это вас не касается.

- Чтобы Кэри была счастлива, вы должны учитывать ее вкусы и привычки. Например, она терпеть не может пенки на горячем молоке. Взгляните сюда: ее блюдечко завалено клочками бумаги. Вы должны их убрать, прежде чем наливать ей кофе. Она не переносит резкие, хотя и негромкие, звуки, такие, как хрустение поджаренного хлеба или шамканье, которое вы издаете, пережевывая эту булочку. Вы никогда не должны раскалывать орехи в ее присутствии. Надеюсь, вы меня поняли. Вот этот звук, который вы издаете своим карандашом, не приносит ей удовольствия.

- Пожалуйста, подите прочь, - ответил молодой человек.

- Мне необходимо поговорить со своей женой наедине.

- А я не желаю оставаться с тобой наедине, - возразила Кэри.

- Вы слышали, что она сказала? Пожалуйста, оставьте нас.

Меня удивило, как точно Друтер предусмотрел наш диалог. У меня появилась надежда.

- Прошу прощения, но я вынужден настаивать на своем.

- Вы не имеете права...

Кэри сказала:

- Если ты не оставишь нас в покое, мы сами уйдем отсюда. Филипп, оплати

счет.

- Дорогая, мне нужно продумать до конца свою систему.

- Хорошо, в таком случае я вот что сделаю, - настаивал я. - Я старше вас, и намного, но я вызываю вас на поединок. Если я вас побью, то поговорю с Кэри наедине. Если вы станете победителем, я уйду и никогда больше вас не потревожу.

- Я не допущу никакой драки, - возразила Кэри.

- Вы слышали, что она сказала?

- Предлагаю другой выход. Я оплачу вам полчаса разговора с нею.

- Как ты смеешь такое предлагать?! - возмутилась Кэри.

Я сунул руку в карман, вытащил пригоршню желтых и красных фишек - пятисотфранковых и тысячефранковых - и разбросал их по столу между чашечками кофе. Он не мог оторвать взгляда от этого богатства. Фишки заставили его забыть обо всем.

- Я предпочел бы драку, - сказал я. - Это все мои деньги, которые у меня остались.

Он уставился в фишки как зачарованный.

- Мне хотелось бы избежать скандала, - наконец произнес он.

Кэри сказала:

- Филипп, ты же...

Я настаивал:

- Это единственная возможность избежать скандала.

- Слепе, он ведь просит каких-то несчастных полчаса. В конце концов, это его право: есть ведь у вас какие-то вещи, которые вы должны обсудить между собой, а с помощью этих фишек я по-настоящему смогу испытать свою систему.

Она сказала ему тоном, к которому в последнее время я уже привык:

- Пусть так. Вери эти фишки. Отправляйся в свое проклятое казино. Весь вечер ты только и думаешь об этом.

У него хватило такта, чтобы не схватить сразу же фишки со стола.

- Увидимся через полчаса.

Я сказал:

- Обещаю вам, что лично приведу ее в казино. К тому же у меня тоже остались там кое-какие дела.

Потом я его окликнул, когда он был уже возле самой двери:

- Вы потеряли одну фишку.

Он возвратился и начал искать ее под столом. Глянув в лицо Кэри, я пожалел о своей победе над соперником.

Она едва сдерживалась, чтобы не расплакаться. Затем произнесла с укором:

- Мне кажется, ты сейчас считаешь себя очень умным человеком.

- Нет.

- Тебе удалось очень хорошо раскрыть его. Ты сейчас чувствуешь себя победителем. А обо мне ты подумал?

- Пойдем на борт яхты, хотя бы на одну ночь. У тебя будет отдельная каюта. Мы сможем сойти на берег в Генуе, если тебе не понравится, завтра.

- По-моему, ты надеешься, что я изменяю свое решение.

- Да, я на это надеюсь. Большой надежды у меня нет, но все-таки это лучше, чем полное отчаяние. Как ты не можешь понять, что я тебя люблю!

- Обещай мне никогда больше не играть в рулетку.

- Обещаю.

- И выбрось эту проклятую систему.

- Выброшу.

В годы моей юности была такая популярная песенка, в которой есть такие слова: "... и сердце у него перестало биться". Именно это я почувствовал, когда она начала ставить свои условия.

- Ты сообщил ему, - спросила она, - об акциях?

- Нет.

- Я не пойду на яхту, пока ты не расскажешь ему о них. Нельзя быть таким подлым по отношению к хозяину яхты.

- Обещаю, что раскрою ему всю правду перед тем, как мы ляжем спать.

Она наклонила голову, чтобы я не смог увидеть ее лица, и некоторое время сидела молча. Я также исчерпал все свои аргументы: больше мне сказать было нечего.

Ночь стояла тихая, покой ее нарушал лишь отдаленный гул морского прибора. Наконец она сказала:

- Чего же мы ждем?

Мы забрали свои чемоданы и пошли пешком в казино. Она отказалась заходить туда, но я настоял:

- Я ведь обещал привести тебя.

Я оставил ее в вестибюле, а сам пошел на "кухню" там его не было. Затем я направился в бар и наконец заглянул в зал для избранных. Он был там, впервые играя пятисотфранковыми фишками. А. Н. Второй сидел за тем же столом. Он сидел в своем кресле на колесиках, и его пальцы метались, как мышцы. Я наклонился над его плечом и сказал ему несколько слов насчет нашего заклада, но он не проявил никакого любопытства: все его внимание было сосредоточено на шарике, крутившемся вокруг рулетки. Наконец шарик остановился на отметке "ноль". Я подошел к Филиппу. Крупье стребал лопаткой выигрыши.

- Кэри уже тут, - сказал я Филиппу. - Я сдержал свое слово.

- Попросите ее, чтобы она сюда пока не заходила. Мне сегодня везет, кроме последнего тура. Мне не хочется, чтобы меня беспокоили.

- Она вас уже никогда больше беспокоить не будет.

- Я выиграл уже десять тысяч франков.

- Однако все достается проигравшему, - заметил я. - Проиграйте и эти деньги за меня. Это все, что у меня осталось.

Я не стал ждать его возражений - и не думаю, что он бы особенно возражал. В тот вечер Гом был образцовым хозяином. Он сделал вид, что ничего не знает о наших неприятностях, да и мы сами потихоньку начали о них забывать. До ужина мы пили коктейли, а за ужином - шампанское. Потом я заметил, что Кэри не совсем уверенно начала произносить слова: выпитое за ужином сделало свое дело. Она рано ушла спать, желая оставить меня наедине с Гомом. Мы с ним вышли на палубу, чтобы проводить ее до каюты. С моря дул легкий ветерок, а облака спрятали луну и звезды, и огни на яхте заблестели еще ярче.

Гом сказал:

- Завтра вечером вы, возможно, и переубедите меня, что Расин лучший поэт, но сегодня я все-таки хотел бы почитать вам Бодлера.

Он облокотился на поручни и начал читать на память своим низким бархатным баритоном, а мне вдруг очень захотелось узнать, к кому же в своем бурном прошлом уже обращался однажды этот старый мудрый человек с неограниченными возможностями, адресуя эти проникновенные строки Бодлера:

Вижу на этих каналах,
Как спят корабли,
Которые бродят по всему свету;
Ради того, чтобы удовлетворить
Твое малейшее желание,
Они и пришли сюда с края света...

Он повернулся к нам и сказал:

- Эти строки адресую вам, мои юные друзья, от имени поэта.

Гом обнял нас за плечи, а потом легонько подтолкнул Кэри к трапу, который вел вниз, в ее каюту. Она вскрикнула, как раненая птица, и исчезла.

- Что с ней случилось? - спросил Гом.

- Видимо, что-то вспомнила.

Я знал, что она вспомнила, но не сказал ему.

Мы возвратились в салон, и Гом снова наполнил рюмки.

- Мне приятно, что все обошлось хорошо, - сказал он.

- Она еще может высадиться в Генуе.

- Нет. Но на всякий случай мы не будем заходить в Геную, - задумчиво добавил он. - Это уже не первый случай, когда мне приходится умыкать женщину.

Он передал мне полную рюмку:

- Я не буду заставлять вас пить всю ночь напролет, однако кое-что мне хочется вам сказать... У меня будет новый помощник бухгалтера.

- Вы имеете в виду... Вы делаете мне предупреждение...

- Да.

"Невозможно предсказать, что еще может выкинуть этот старый выродок, - подумал я. - Сказать такое сейчас мне, своему гостю! Неужели он без меня успел уже встретиться и переговорить со Вторым?"

- Теперь, когда вы женаты, вам потребуется больше денег, - заметил он. - Я возлагаю на Арнольда ответственность за все главные предприятия нашей фирмы. Вместо него главным бухгалтером назначаю вас. Допивайте ваше виски и

идите спать. Уже поднимают якорь.

Когда я проходил мимо каюты Кэри, я попробовал дернуть дверь - не закрылась ли она на ключ. Дверь была открыта. Кэри сидела на постели, подтянув колени к подбородку, и смотрела в иллюминатор. Загудели двигатели, и мы вышли в открытое море. Отблески огней порта кружили по стенам каюты.

- Ты ему сказал?

- Нет.

- Ты ведь обещал, - сказала она. - Я не могу плыть вдоль Италии на этой яхте, если ее хозяин ничего не знает. Он ведь был такой добрый...

- Я обязан ему всем, - сказал я. - Это он посоветовал мне, как себя вести, чтобы вернуть тебя назад. Ничего толкового мне в голову не приходило. Я был в полной прострации.

- Тем более ты обязан рассказать ему все. Сейчас. Сразу же.

- Рассказывать-то, в общем, нечего. Ты думаешь, что после того, что он для меня сделал, я буду выступать против него в союзе с Бликсоном?

- А как же акции?

- Когда я пошел в казино искать Филиппа, я взял все деньги, которые оставил для Второго. Наш заклад был перечеркнут. Второй разбогател на пятнадцать миллионов, а Филиппу достались наши последние пять, если он еще не успел их проиграть. Мы вернулись на то же место, откуда начали свой путь...

Однако эти слова не совсем соответствовали правде. Я уточнил:

- Если мы вообще способны вернуться туда снова.

- Мы никогда туда не вернемся.

- Никогда?

- Я люблю тебя намного больше. Я была ужасно подлая по отношению к тебе и чуть было не потеряла тебя.

Мы говорили немного. В тесной постели хватало места лишь нашим телам. Но где-то под утро, когда в иллюминаторах немного посветлело, я разбудил ее и рассказал о предложении Гома.

- Богатыми мы не станем, - поспешил я заверить ее, боясь снова утратить свою любовь, - но в следующем году мы сможем позволить себе поехать в Борнмут.

- Нет, - возразила она сквозь сон. - Давай лучше поедem в Ле-Туке. Там есть казино. Но обещай больше не пользоваться своей проклятой системой.

Это было единственное обещание, о котором я совершенно забыл. Я встал с постели, вытащил из кармана свою выдающуюся систему, разорвал ее и выкинул клочки через иллюминатор - ветер подхватил белые кусочки бумаги.

Сонный голос сказал:

- Милый, ужасно холодно. Пошел снег.

- Я закрою иллюминатор.

- Не нужно. Лучше возвращайся ко мне.